№ 1. БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА. № 1.

А. Изгоевъ.

П. А. СТОЛЫПИНЪ

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

МОСКВА
КН-ВО К. Ф. НЕКРАСОВА
1912.

П. А. Столыпинъ.

А. ИЗГОЕВЪ.

П. А. СТОЛЫПИНЪ.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

КН-ВО К. Ф. НЕКРАСОВА
МОСКВА 1912.

НО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. Ф. НЕКРАСОВА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Настоящій очеркъ былъ начатъ въ іюлѣ 1911 года, какъ попытка подведенія нѣкоторыхъ итоговъ пятилѣтней дѣятельности П. А. Столыпина на посту предсѣдателя совѣта министровъ. Въ сентябрѣ работу пришлось пріостановить и подвергнуть значительной передѣлкѣ. Пятилѣтніе итоги превращались уже въ итоги всей жизни. Предательская пуля террориста изъ охраннаго отдѣленія прекратила эту кипучую жизнь, разбила горячее сердце человѣка, во многомъ виновнаго, во многомъ ошибавшагося, но горячо любившаго родную землю и отдавшаго ей всѣ свои силы. Погибъ политическій дѣятель, смѣлый человѣкъ, навѣки связавшій свое имя съ пятью годами жизни „обновленной Россіи"...

Трагическая кончина на посту явилась какъ бы апоѳеозомъ всей дѣятельности П. А. Столыпина. Но прервала ли она ее на полъ-дорогѣ? Оставались ли въ политикѣ П. А. Столыпина еще новыя, неизвѣданныя возможности, скрывались ли для судебъ Россіи какія-либо новыя надежды? На этотъ счетъ взгляды расходятся. Я думаю, что П. А. Столыпинъ вполнѣ исчерпалъ себя, что онъ давно далъ уже все, что могъ. Ударъ убійцы настигъ П. А.

Столыпина въ то время, когда его политическая карьера уже кончалась.

Еще въ декабрѣ 1907 г. въ журналѣ „Русская Мысль“ пишущій эти строки помѣстилъ характеристику П. А. Столыпина, отъ основныхъ линій которой не приходится отказываться и теперь. То, что я говорилъ о П. А. Столыпинѣ три съ половиной года тому назадъ при его жизни, я могу, съ дополненіями и новыми выяснившимися подробностями, повторить и теперь, когда онъ умеръ. Это обстоятельство даетъ мнѣ возможность не бояться ни воздаянія П. А. Столыпину должнаго за то, что было въ немъ хорошаго, ни рѣзкаго осужденія его политическихъ ошибокъ. Эта книга равно свободна и отъ лести, и отъ надругательства надъ мертвымъ и теперь уже безсильнымъ.

Конечно, для безпристрастной исторіи время еще не наступило. Обнародованные факты очень скудны. Еще свѣжи воспоминанія о недавнихъ битвахъ, и трудно отрѣшиться отъ чувствъ, вызывавшихся той или иной мѣрой, въ свое время причинявшей такъ много горя. На безстрастіе историка авторъ этой книги не можетъ, конечно, претендовать, но онъ искренно желалъ соблюсти правдивость въ изложеніи фактовъ и возможное для современника безпристрастіе въ оцѣнкахъ. Ошибки возможны, но могу съ чистой совѣстью сказать, что это—ошибки неполнаго вѣдѣнія, но не умысла.

СПБ. 24 ноября 1911 г.

ГЛАВА I.

Происхожденіе и первые шаги П. А. Столыпина.

Столыпины — древній дворянскій родъ, нынѣ занесенный въ родовыя дворянскія книги по пензенской и саратовской губерніямъ. Впервые эта фамилія упоминается въ лѣтописяхъ русской исторіи въ XVI вѣкѣ. Изъ приводимой ниже *) (конечно, неполной) родословной таблицы, можно составить наглядное представленіе о родѣ, изъ котораго вышелъ Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ.

Большое потомство товарища пензенскаго воеводы Емельяна Столыпина вошло въ ряды высшаго русскаго дворянства и въ XVIII вѣкѣ давало не только представителей гражданской и военной бюрократіи, но и образованныхъ людей, причастныхъ къ литературѣ. Такъ, уже въ 1801 г. въ „Ипокренѣ“ были напечатаны стихотворенія Димитрія Столыпина, вѣроятно, секундъ-маіора, брата прадѣда Петра Аркадьевича, а не его дѣда Димитрія, впослѣдствіи

---

*) См. стр. 8—9.

генералъ-маіора. У Алексѣя Столыпина было многочисленное потомство, давшее три главныхъ линіи: 1) одну, приведшую къ генералу Димитрію Аркадьевичу, писателю, одному изъ немногихъ русскихъ чистыхъ послѣдователей Огюста Конта, ярому врагу русской общины, 2) другую—къ нынѣ погибшему Петру Аркадьевичу и 3) третью, по женской линіи, давшую знаменитаго нашего поэта Лермонтова.

Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, сенаторъ, другъ Сперанскаго, въ свое время считался человѣкомъ прогрессивнаго образа мыслей. Его братъ Димитрій, дѣдъ покойнаго предсѣдателя совѣта министровъ, избралъ военную карьеру, дослужился до чина генералъ-адъютанта, принималъ участіе въ венгерской, крымской и русско-турецкой кампаніяхъ. Но военная служба, видимо, не поглощала его всецѣло: онъ тоже былъ писателемъ, составлялъ популярныя историческія книжки для народа. Кромѣ того онъ занимался и скульптурой и на одной изъ выставокъ 60-хъ годовъ выставилъ два своихъ произведенія. Судя по содержанію скульптуръ (голова Спасителя по изображенію Іосифа Флавія), его интересовали религіозные вопросы.

Ясно, что семья Столыпиныхъ не была дюжинной дворянской семьей того времени, грубой, невѣжественной, съ кулаческими привычками. Уже съ XVIII вѣка она насыщена была моднымъ тогда „французскимъ просвѣщеніемъ“ съ его поверхностно-цивилизующимъ лакомъ, съ сантиментальнымъ лицемѣріемъ и подлинными умственными и культурными интересами. Этотъ цивилизованный налетъ нашелъ

подходящую почву и далъ плодъ въ видѣ несомнѣнной литературной талантливости цѣлаго ряда представителей Столыпинской семьи, вплоть до нынѣ живущаго литератора Александра и покойнаго премьера, обладавшаго несомнѣннымъ ораторскимъ дарованіемъ.

Посмотримъ теперь, что могла дать П. А. Столыпину его личная служебная карьера. Понятно, что мы можемъ исходить только изъ данныхъ, уже опубликованныхъ, и, естественно, весьма скудныхъ.

Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ родился въ 1862 году, образованіе получилъ на естественномъ факультетѣ с.-петербургскаго университета, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1884 г. Свою службу онъ началъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но черезъ два года перешелъ въ вѣдомство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Затѣмъ онъ снова поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и занялъ должность предводителя дворянства въ ковенскомъ уѣздѣ (въ западномъ краѣ, какъ извѣстно, предводители дворянства служатъ по назначенію). Изъ газетныхъ сообщеній извѣстно, что въ ковенской губерніи у П. А. Столыпина есть имѣніе. Въ 1899 г. П. А. Столыпинъ былъ назначенъ ковенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а въ 1902 г., при В. К. Плеве, онъ былъ опредѣленъ исправляющимъ должность гродненскаго губернатора. При Плеве же П. А. Столыпинъ въ 1903 г. получилъ назначеніе на постъ саратовскаго губернатора, въ то время считавшійся очень отвѣтственнымъ и труднымъ, такъ какъ губернія слыла „красной“. 26 апрѣля 1906 г., въ

РОДОСЛОВНАЯ П. А. СТОЛЫПИНА.

Григорій Столыпинъ, жившій въ концѣ XVI в.

|

Аѳанасій, муромскій городовой дворянинъ.

|

Сильвестръ, участвовавшій въ войнѣ съ Польшей 1654—1655 г.г. и за это получившій помѣстье въ Муромскомъ уѣздѣ.

|

Семенъ.

|

Емельянъ, товарищъ воеводы въ Пензенской провинціи.

Димитрій, секундъ-маіоръ.

Аркадій († 1825) сенаторъ, другъ Сперанскаго.

Николай. — Алексѣй,—другъ Лермонтова, описанный имъ подъ кличкой Монго.

Алексѣй, (1748—1810) въ бракѣ съ Маріей Аѳанасьевной Мещериновой.

Александръ	Николай	Аѳанасій	Димитрій	Елизавета
Александръ адъютантъ Суворова.	Николай— ген.-адъютантъ, погибшій въ Севастополѣ въ 1830 г. во время бунта.	Аѳанасій— саратовск. предводитель дворянства.	Димитрій— (1785—1826) генералъ-маіоръ.	Елизавета— замужемъ за Арсеньевымъ.
Димитрій, (1818—1893) генералъ, писатель, последователь Ог. Конта.			Аркадій, род. 1822 г., генер.-адъютантъ, въ бракѣ съ княжной Натальей Горчаковой.	Марія, замужемъ за Юріемъ Лермонтовымъ.
				Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ

Петръ - (1862—1911) предсѣдатель совѣта министровъ.

—Александръ—писатель.

день паденія перваго русскаго „объединеннаго кабинета" графа Витте, П. А. Столыпинъ, еще молодой сравнительно человѣкъ, 44 лѣтъ, былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Горемыкина. Горемыкинскій кабинетъ оказался не долговѣчнѣе первой Думы и былъ смѣненъ кабинетомъ П. А. Столыпина, который, видоизмѣняясь и обновляясь, просуществовалъ болѣе пяти лѣтъ.

Таковы внѣшнія черты служебной карьеры П. А. Столыпина. Попытаемся вскрыть ея содержаніе.

П. А. Столыпинъ—„восьмидесятникъ". Въ университетъ онъ поступилъ, если не въ самомъ 1881 году, то, во всякомъ случаѣ, около этого премени. Его молодые, самые важные годы ученья прошли подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ катастрофы 1-го марта и послѣдовавшей за ней тяжкой общественной реакціи. Наступившая затѣмъ полоса была окрашена въ якобы славянофильскій цвѣтъ. Звали „назадъ", „домой", будто бы къ преданіямъ московскихъ царей, ко времени мнимаго единенія царя съ народомъ. На самомъ же дѣлѣ власть была взята въ руки „бюрократіей" нѣмецко-русскаго состава, укрѣпившей свое положеніе рядомъ льготъ, оказанныхъ дворянству, сильно пострадавшему экономически отъ освобожденія крестьянъ. „Національный курсъ" политики императора Александра III оказался очень благопріятнымъ для развитія въ Россіи грюндерства и „международнаго" капитализма. Съ той поры въ сознаніи правящихъ классовъ прочно утвердилось убѣжденіе, что подъ славянофильскими и националистическими флагами

не трудно провозить самую обычную „буржуазную“ „интернаціональную“ контрабанду. Самъ С. Ю. Витте, одинъ изъ виртуозовъ такого націоналъ-буржуазнаго лицемѣрія, всѣми мѣрами содѣйствуя привлеченію въ Россію иностранныхъ капиталовъ и образованію гигантскихъ капиталистическихъ предпріятій, чуть ли не до самаго 1905 года продолжалъ утверждать, что у насъ, въ отличіе отъ Зап. Европы, отношенія между рабочими и хозяевами складываются совсѣмъ по иному, патріархальному началу, ничего общаго не имѣющему съ европейской классовой борьбой...

Реформы Александра II рѣшительно поставили Россію на обычный европейскій путь культурнаго развитія, превращенія въ буржуазное правовое государство. Царствованіе Александра III въ самомъ существенномъ не свело, да и не могло свести, страны съ этого пути. Но, продолжая строить желѣзныя дороги, развивать промышленность, перестраивать натуральное народное хозяйство на мѣновое, правящіе слои этого царствованія всѣ свои интеллектуальныя силы отдали на созданіе фикціи, будто на самомъ дѣлѣ Россія продолжаетъ оставаться старинной національной монархіей чуть ли не до-петровскаго времени. Уже буржуазное по существу, государство хотѣло казаться славянофильскимъ по формѣ. Это лицемѣріе сдѣлалось основнымъ тономъ той эпохи и, конечно, видный представитель помѣщичьей среды, избравшій административную карьеру, не могъ не проникнуться этимъ господствующимъ въ его средѣ настроеніемъ.

Весьма вѣроятно, что въ кровавой драмѣ 1 марта надо искать корень и одной основной черты политическаго міросозерцанія П. А. Столыпина: его глубокаго, инстинктивнаго недовѣрія къ русской интеллигенціи. Не переживъ, видимо, свойственной молодежи 70-хъ годовъ, чуть ли не поголовно, горячки соціалистическихъ увлеченій, П. А. Столыпинъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ цареубійства, не имѣя возможности глубже вдуматься въ корни русской трагедіи, пришелъ къ убѣжденію' что интеллигенція непримиримо враждебна монархіи, и что всѣ ея идеи, прямо или косвенно, ведутъ къ низверженію этой формы правленія, внѣ которой онъ не мыслилъ существованія Россіи.

Служба въ министерствѣ земледѣлія поставила П. А. Столыпина близко къ вопросамъ крестьянскаго землеустройства, съ которыми ему и раньше приходилось сталкиваться въ роли помѣщика. Впослѣдствіи, защищая въ Г. Думѣ правительственную земельную программу, П. А. говорилъ: „пробывъ около десяти лѣтъ у дѣла земельнаго устройства, я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что въ дѣлѣ этомъ нужна продолжительная черная работа... разрѣшить этого вопроса нельзя, его надо разрѣшать". Своимъ личнымъ опытомъ въ земельномъ дѣлѣ П. А. Столыпинъ очень дорожилъ и, видимо, имъ гордился.

Изъ министерства земледѣлія онъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и началъ службу въ ковенской, а затѣмъ въ гродненской, губерніяхъ. Въ обѣихъ этихъ губерніяхъ, какъ извѣстно, го-

сподствующимъ элементомъ являются польскіе помѣщики-дворяне, находящіеся въ очень своеобразныхъ отношеніяхъ къ представителямъ русской власти. Внѣшній тонъ этихъ отношеній (конечно, на верхахъ) чрезвычайно корректный, вѣжливый, но холодный, замкнутый, съ большой примѣсью хитрости и лукавства. Произнося дружелюбныя слова, держатъ сзади на-готовѣ камень. Вѣжливое недовѣріе проникаетъ весь строй этихъ отношеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что своеобразный тонъ отношеній русской высшей администраціи къ польской шляхтѣ чрезвычайно рѣзко сказался на характерѣ покойнаго предсѣдателя совѣта министровъ и былъ имъ перенесенъ и въ другія сферы общественно-политической жизни. Самъ П. А. Столыпинъ говорилъ П. Б. Струве, что онъ хорошо знаетъ поляковъ, многому у нихъ научился и многимъ имъ обязанъ. Временами это чувствовали даже „союзники“, попрекавшіе перваго министра „польскими шляхетскими пріемами“ и по своей привычкѣ стремившіеся открыть поляковъ и полекъ даже въ его родословной. Служба въ западномъ краѣ близко ознакомила П. А. Столыпина и съ однимъ изъ самыхъ острыхъ національныхъ русскихъ вопросовъ, еврейскимъ. Особенность русской администраціи въ западномъ краѣ составляетъ и нѣкоторый ея демократизмъ, въ значительной степени мнимый и сбивающійся на демагогію, но все-таки рѣзко отличающій ее въ сравненіи съ администраціей внутреннихъ губерній, гдѣ чиновникъ, серьезно или на-показъ выдвигающій на первый планъ интересы крестьянъ,

не можетъ быть терпимъ на службѣ. Въ западныхъ же губерніяхъ помѣстно-дворянскій элементъ представленъ главнымъ образомъ поляками. Крестьяне же тамъ въ огромномъ большинствѣ—православные, по національности—не поляки, и благодаря своему антагонизму съ помѣщиками, являются самой сильной опорой русскаго правительства. Поддержка крестьянъ и закрѣпленіе ихъ недовѣрія къ помѣщикамъ-полякамъ—одинъ изъ догматовъ управленія западнымъ краемъ.

На губернаторскую должность, сначала въ томъ же западномъ краѣ, П. А. Столыпинъ былъ призванъ при Плеве. Онъ былъ однимъ изъ такъ называемыхъ „плевенскихъ губернаторовъ“ изъ предводителей дворянства, на которыхъ Плеве думалъ возложить весьма важную политическую миссію. Основной мыслью Плеве было „овладѣть движеніемъ“, начинавшимся тогда въ Россіи. Съ революціонно-соціалистическимъ движеніемъ интеллигенціи онъ разсчитывалъ справиться при помощи полицейской силы и провокаціи, въ рядахъ которой уже тогда былъ Азефъ и сотни, если не тысячи, другихъ. Рабочимъ движеніемъ предполагалось овладѣть при содѣйствіи Зубатова и Гапона. Но какъ практическаго политика, болѣе всего безпокоило Плеве растущее земское конституціонное движеніе. Онъ считалъ его очень опаснымъ, такъ какъ оно вербовало своихъ приверженцевъ въ рядахъ дворянства, въ руки котораго отдано было земство. Были на лицо и признаки, что движеніе переходитъ и на дворянство, какъ сословіе. Близость дво-

рянства къ престолу, дѣлала конституціонное движеніе очень опаснымъ для бюрократіи. Необходимо было бороться съ нимъ. Для этой борьбы и выдвигались новые губернаторы изъ предводителей, культурные, образованные, даже либеральные люди, имѣющіе связи съ мѣстнымъ обществомъ, главнымъ образомъ, конечно, съ дворянствомъ. Они должны были „овладѣть" мѣстнымъ обществомъ и, гдѣ надо лаской, гдѣ угрозой, внести разложеніе въ ряды формирующейся оппозиціи. Плеве очень не любилъ независимыхъ земскихъ дѣятелей, не только такихъ, какъ Петръ Дм. Долгоруковъ, не скрывавшій своихъ конституціонныхъ взглядовъ, но даже столь умѣренныхъ, какъ Д. Н. Шиповъ, въ то время бывшій сторонникомъ славянофильскаго совѣщательнаго собора. Но всѣмъ этимъ земцамъ, и особенно настойчиво кн. Долгорукову, Плеве неоднократно предлагалъ губернаторскія мѣста.

По внѣшнимъ своимъ даннымъ П. А. Столыпинъ вполнѣ подходилъ къ роли „плевенскаго губернатора". Культурный, образованный человѣкъ, владѣющій прекрасно тремя языками, помѣщикъ, дворянинъ и хозяинъ. Утверждали, правда, что Плеве ставилъ въ вину П. А. Столыпину чрезмѣрную склонность „къ фразѣ и позѣ", но въ общемъ, несомнѣнно, онъ цѣнилъ своего гродненскаго губернатора высоко, ибо иначе онъ не перевелъ бы его такъ быстро въ столь опасную губернію, какъ саратовская, гдѣ сильное земско-дворянское движеніе еще сильнѣе взвинчивалось революціонно-настроен-

нымъ третьимъ элементомъ и широко разроставшимся крестьянскимъ аграрнымъ волненіемъ.

По должности гродненскаго губернатора П. А. Столыпину пришлось предсѣдательствовать въ губернскомъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности какъ разъ въ то время, когда Плеве ликвидировалъ „опасную затѣю“ Витте. Офиціальные документы („Труды мѣстныхъ комитетовъ“, вып. XI, гродненская губернія. СПБ. 1903 г.) даютъ намъ возможность установить, какихъ взглядовъ держался тогда будущій премьеръ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые вопросы.

Уже въ первомъ засѣданіи губернскаго комитета 16 іюля 1902 г. въ своей вступительной рѣчи П. А. Столыпинъ указалъ какъ на „главнѣйшіе факторы улучшенія сельско-хозяйственной промышленности губерніи“ на 1) разселеніе крестьянъ на хутора, 2) переходъ отъ шнурового пользованія надѣльными землями къ хуторскому хозяйству, 3) устраненіе черезполосности земель, 4) меліоративный кредитъ. Въ ноябрьскихъ совѣщаніяхъ онъ подробнѣе развилъ свою аграрную программу. „Сохранить установившіеся, вѣками освященные, способы правопользованія землей--говорилъ въ концѣ 1902 г. покойный предсѣдатель совѣта министровъ —нельзя, такъ какъ они выразятся въ концѣ концовъ экономическимъ крахомъ и полнымъ разореніемъ страны“. Въ частности, для гродненской губерніи онъ выдвигалъ на первую очередь уничтоженіе сервитутовъ и разверстаніе черезполосныхъ земель, „безъ чего никакое серьезное улучшеніе

сельскаго хозяйства, вообще, произойти не можетъ". Въ дѣлѣ уничтоженія вредныхъ способовъ „правопользованія землей" П. А. Столыпинъ стоялъ за радикальныя мѣры: „ставить въ зависимость отъ доброй воли крестьянъ моментъ ожидаемой реформы, разсчитывать, что при подъемѣ умственнаго развитія населенія, которое настанетъ неизвѣстно когда, жгучіе вопросы разрѣшатся сами собой,— это значитъ отложить на неопредѣленное время проведеніе тѣхъ мѣропріятій, безъ которыхъ немыслима ни культура, ни подъемъ доходности земли, ни спокойное владѣніе земельной собственностью".

Руководившій въ то время нашей земельной политикой г. Стишинскій держался нѣсколько иныхъ взглядовъ и въ сохраненіи общины видѣлъ одно изъ условій сохраненія самодержавія. Общимъ для Столыпина и тѣхъ дѣятелей, аграрныя идеи которыхъ воспринялъ Плеве, были лишь безграничная вѣра во всесиліе административныхъ мѣръ и худо скрытое недовѣріе къ „подъему умственнаго развитія народонаселенія, которое настанетъ неизвѣстно когда". Само собою разумѣется, что въ 1902 г. П. А. Столыпинъ былъ абсолютистомъ, хотя и съ оттѣнкомъ „просвѣщеннаго абсолютизма". Въ его рѣчахъ проскальзываютъ и какіе-то слабые, блѣдные намеки на необходимость общественной самодѣятельности. Окровенные крѣпостники во всякомъ случаѣ не вызывали его сочувствія. На одномъ изъ засѣданій комитета кн. Святополкъ-Четвертинскій развилъ обычную крѣпостническую теорію: „Намъ нужна рабочая сила человѣка, нуженъ физическій

трудъ, а не образованіе. Образованіе должно быть доступно обезпеченнымъ классамъ, а не массѣ, нравственные и государственные взгляды которой таковы, что съ введеніемъ обязательнаго образованія или съ расширеніемъ доступа въ школы она несомнѣнно будетъ стремиться къ государственному перевороту, соціальной революціи и анархіи". На эту рѣчь гродненскаго зубра П. А. Столыпинъ отвѣтилъ рѣзкой отповѣдью. „Бояться грамоты и просвѣщенія, бояться свѣта нельзя. Образованіе народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведетъ его къ анархіи. Сравните Германію и Италію: главный контингентъ анархистовъ даетъ послѣдняя страна, а народное образованіе въ ней очень слабо. Общее образованіе въ Германіи должно служить идеаломъ для многихъ культурныхъ странъ... Соціализмъ въ Германіи—скорѣе академическій вопросъ, и предохранительный клапанъ распространенія соціализма и соціалистическихъ идей—страхованіе рабочихъ... Для всей страны нашей необходимо общее женское образованіе. Распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній, безъ которыхъ земледѣльческая страна существовать не можетъ и мало-по-малу приходитъ къ разоренію, зависитъ отъ общаго образованія. Развивайте его по широкой программѣ, въ связи съ преподаваніемъ сельско-хозяйственныхъ знаній, и вы дадите большую обезпеченность земледѣльческому классу, самому консервативному въ каждой странѣ" и т. д. и т. д.

На всѣхъ этихъ взглядахъ гродненскаго губер-

натора лежитъ, впрочемъ, печать того націоналистическаго демократизма, который, какъ мы уже говорили раньше, является обязательнымъ для каждаго представителя русской власти въ западныхъ губерніяхъ и ·который быстро исчезаетъ, когда тотъ же администраторъ попадаетъ въ центральныя губерніи, гдѣ помѣстный классъ представленъ русскимъ дворянствомъ. Такъ, по поводу обязательнаго обученія гродненскій губернаторъ говорилъ: „современемъ обязательное обученіе будетъ понятно, такъ какъ *единственная* цѣль и главная задача школъ—обученіе знанію государственнаго языка и воспитаніе русскихъ гражданъ". Считать „единственной" задачей школъ - руссификацію можно, конечно, только въ чаду борьбы съ полонизмомъ, представляемымъ въ гродненской губерніи, главнымъ образомъ, помѣщиками.

Какъ предсѣдатель губернскаго комитета, П. А. Столыпинъ, твердо соблюдая инструкціи Плеве, не допускалъ никакихъ „общихъ вопросовъ", въ той или иной мѣрѣ касающихся государственнаго строя. Онъ, правда, призналъ, что, „быть можетъ, всякое политическое ограниченіе и вноситъ въ иныхъ случаяхъ экономическое стѣсненіе", но въ другой разъ, напримѣръ, рѣшительно заявилъ, что вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности съ вопросомъ о введеніи земской реформы „не имѣетъ тѣсной, непосредственной и, такъ сказать, органической связи"...

Изъ гродненской губерніи П. А. Столыпинъ былъ переведенъ въ саратовскую, гдѣ уже слышались

раскаты приближающейся бури, гдѣ крестьянство глухо волновалось. Впослѣдствіи, при назначеніи Столыпина министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Горемыкина, П. Н. Милюковъ въ „Рѣчи" (1906 г. № 53) писалъ: „Г. Столыпинъ — не самый дурной изъ губернаторовъ, но и въ его прошломъ есть знаменитая балашовская исторія; а крестьянскія экзекуціи нашли въ г. Столыпинѣ особенно усерднаго адепта. Есть, впрочемъ, люди, которые думаютъ, что такія вещи можно дѣлать корректно". Въ свою очередь крайніе правые, когда разочаровались въ Столыпинѣ и объявили ему войну, попрекали его тѣмъ, что ни въ одной губерніи не было сожжено столько дворянскихъ имѣній, какъ въ саратовской, что губернаторъ Столыпинъ дружилъ съ красными земцами и даже защищалъ ихъ въ Балашовѣ отъ „народнаго негодованія", за что и самъ пострадалъ. Вкратцѣ въ Балашовѣ произошло вотъ что. На одинъ изъ обычныхъ въ то время митинговъ въ земской управѣ напали черносотенцы. Земскимъ служащимъ грозила очень серьезная опасность. На выручку явился губернаторъ Столыпинъ, который подъ эскортомъ казаковъ вывелъ осажденныхъ, но при этомъ толпа бросала въ земцевъ камни, однимъ изъ которыхъ былъ задѣтъ и губернаторъ, а призванные губернаторомъ для защиты земскихъ служащихъ казаки били ихъ нагайками, при чемъ одинъ казакъ ударилъ предсѣдателя управы Н. Н. Львова, находившагося возлѣ Столыпина. Губернатору ставили въ вину, что его обращеніе къ толпѣ носило двусмысленный и, во всякомъ слу-

чаѣ, мало успокоительный характеръ и что казаки, избивавшіе земцевъ въ присутствіи самого губернатора, тоже не встрѣтили надлежащаго отпора. Указывали также, что среди имѣній, сожженныхъ въ саратовской губ., было очень много такихъ, которыя принадлежали виднымъ оппозиціоннымъ дѣятелямъ.

Всѣ наблюдатели единогласно отмѣчаютъ рѣдкое личное мужество П. А. Столыпина, спокойно входившаго въ середину бушующей толпы, не принимавшаго никакихъ мѣръ для охраны своей личности въ то время, когда терроръ былъ въ разгарѣ.

Въ первой Думѣ, въ засѣданіи 15 іюня 1906 г. (см. Стенографическіе отчеты стр. 1344 и сл.) Аникинъ подробно и въ очень рѣзкой формѣ говорилъ о борьбѣ П. А. Столыпина съ прогрессивнымъ саратовскимъ крестьянствомъ. Въ селѣ Лохъ саратовскаго у. - разсказывалъ членъ Думы - года три тому назадъ 15 молодыхъ крестьянъ, грамотныхъ, развитыхъ объединились въ артель, завели все артельное хозяйство и на доходы съ артельнаго хозяйства устроили библіотеку, помогали бѣднымъ крестьянамъ, помогали погорѣльцамъ и явились культурнымъ ядромъ села, которому завидовали многіе. Но Столыпинъ — разсказывалъ Аникинъ - поѣхалъ въ село Лохъ, давилъ на земскихъ начальниковъ, на старшинъ и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы разбить эту организацію. Члены крестьянской сельско-хозяйственной артели въ селѣ Лохъ были арестованы и посажены въ тюрьму, ихъ держали въ тюрьмѣ болѣе полугода, безъ всякихъ доказа-

тельствъ, безъ предъявленія обвиненія, и организація была разбита. Точно такъ же и другія организаціи были разбиты административной распорядительностью губернатора Столыпина. Такъ напр., артель въ селѣ Синодскомъ, сельско-хозяйственныя общества въ с. Малой Сердобѣ и Ключахъ подвергались чуть ли не еженедѣльнымъ обыскамъ. Полиція перекапывала гряды, перерывала солому, разваливала снопы, словомъ производила полное опустошеніе хозяйства". Тотъ же Аникинъ въ чрезвычайно рѣзкой формѣ описываетъ объѣздъ губернаторомъ Столыпинымъ петровскаго уѣзда, крестьяне котораго на собранномъ земствомъ совѣщаніи вынесли обычную тогда резолюцію. Губернаторъ, по словамъ Аникина „собиралъ сходы, на сходахъ кричалъ, ругался нецензурными словами, грозилъ крестьянамъ и Сибирью, и каторгой, и казаками и всѣмъ, чѣмъ угодно, и когда выходили совершенно мирные крестьяне, чтобы возразить, ихъ арестовывали". Въ примѣръ Аникинъ указываетъ на „богатаго крестьянина, капиталиста, котораго нельзя заподозрить ни въ какой революціонности, проживающаго въ селѣ Черкасскомъ, нѣкоего Кулакова", арестованнаго за то, что онъ сказалъ про резолюцію: „ваше превосходительство, вѣдь, здѣсь сказана только одна правда".

Членъ Думы Аникинъ разсказалъ и про свой личный разговоръ съ саратовскимъ губернаторомъ, не утвердившимъ его въ земской должности. „Вы занимаетесь разговорами съ крестьянствомъ, вы говорите, что крестьянамъ нужна земля"—заявилъ

ему губернаторъ.—Аникинъ будто бы на это отвѣтилъ: „Да, я это говорю крестьянамъ, повторю это и вамъ: крестьянамъ нужна вся земля“. На это послѣдовалъ такой отвѣтъ: „Но это вы можете говорить мнѣ, Столыпину, а крестьянамъ этого говорить нельзя“.

Трудно, конечно, судить, насколько вѣрно и безпристрастно переданы Аникинымъ частности всѣхъ этихъ событій и разговоровъ. Но несомнѣнно, что отношенія П. А. Столыпина къ крестьянамъ были значительно иныя, чѣмъ къ лицамъ другихъ сословій, въ особенности къ дворянамъ и интеллигентамъ. Правда, преслѣдуемыя цѣли всегда были одинаковыя и сводились къ разрушенію и устраненію независимыхъ отъ администраціи организацій. Но въ то время, какъ по отношенію къ крестьянамъ примѣнялись мѣры быстрыя и рѣшительныя, въ отношеніяхъ къ другимъ организаціямъ П. А. предпочиталъ руководиться тактикой не штурма, а неуклонной осады. Такая политика блокады была примѣнена къ земскимъ учрежденіямъ, тогда стихійно выходившимъ за свои границы. Рядомъ мелкихъ формальныхъ настойчивыхъ указаній саратовскій губернаторъ постепенно суживалъ стихійно расширявшійся кругъ земской дѣятельности, помаленьку устранялъ неугодныхъ лицъ и сводилъ на нѣтъ неудобныя земскія постановленія. Любопытный характеръ носила и борьба съ митингами городской демократіи, принявшими тогда въ Саратовѣ большіе размѣры. Столыпинъ и тутъ, въ отличіе отъ своего образа дѣйствій въ деревнѣ, не счелъ удобнымъ

сразу уничтожить эти митинги. Онъ „искоренилъ“ ихъ исподволь. Сначала у нѣкоторыхъ содержателей крупнѣйшихъ залъ были отобраны подписки въ томъ, что они не будутъ отдавать своихъ помѣщеній подъ собранія. Митинги продолжались въ другихъ помѣщеніяхъ. Скоро дошла очередь и до нихъ. Когда всѣ городскія помѣщенія оказались закрытыми, собранія перенесены были за городъ. Понятно, что такія собранія посѣщались уже преимущественно молодежью и рабочими. Лица съ общественнымъ положеніемъ ихъ, конечно, избѣгали. Нѣкоторое время эти собранія на открытомъ воздухѣ терпѣлись. Полиціи стали извѣстны всѣ ораторы, а затѣмъ приняты были рѣшительныя мѣры. Мѣсто собраній было окружено казаками, произошло небольшое столкновеніе съ толпой – и митинги въ Саратовѣ прекратились.

Въ борьбѣ и съ буйной городской демократіей и съ оппозиціоннымъ земствомъ губернаторъ Столыпинъ безспорно проявилъ выдержку, хладнокровіе, умѣніе выжидать и наносить удары въ подходящую минуту.

Таковъ былъ багажъ, съ которымъ П. А. Столыпинъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Горемыкина.

Характерно, что П. А. Столыпинъ въ 1905 г. считался „либеральнымъ губернаторомъ“. Когда въ октябрѣ 1905 г. А. И. Гучковъ и другіе „общественные дѣятели“ вели переговоры съ гр. Витте о вступленіи въ кабинетъ, они противопоставляли П. Н. Дурново кандидатуру въ министры вн. дѣлъ

П. А. Столыпина, выдвигавшагося тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода кн. Оболенскимъ.

ГЛАВА II.

На дорогѣ къ премьерству.

Время съ мая по іюль 1906 г., два мѣсяца жизни первой Г. Думы, является наиболѣе важнымъ и для судьбы П. А. Столыпина. Но въ то же время оно пока представляется и наиболѣе темнымъ. Въ эти два мѣсяца создались условія, подготовившія столь необычайно быстрое возвышеніе Столыпина. Чѣмъ и какъ онъ завоевалъ высокое довѣріе, мы пока не знаемъ. На кого опирался онъ при дворѣ, тоже пока неизвѣстно. Въ печати напр. спорили даже о томъ, почерпаютъ ли свою силу родственники П. А. Столыпина Нейдгардты — отъ него или же, наоборотъ, онъ — отъ нихъ. Несомнѣнно, что въ это время П. А. завязываетъ сношенія съ представителями разныхъ политическихъ партій. Тогда выдвигаются Крупенскіе, Пуришкевичи, гр. Бобринскій, нѣкоторые союзники. Въ это же время П. А. нащупываетъ и отыскиваетъ своихъ будущихъ помощниковъ и совѣтчиковъ. Отъ графа Витте съ чрезвычайной легкостью и быстротой къ нему перебѣгаетъ специфически шустрый г. Гурляндъ. Намѣчаются физіономіи Крыжановскаго, Макарова, Трусевича и другихъ. Вскорѣ послѣ своего назначенія П. А. обратился къ губернаторамъ съ циркуляромъ,

требующимъ „самаго зоркаго наблюденія за малѣйшими признаками нарождающейся смуты". Смуты онъ ждалъ потому, что люди, желающіе ея, воспользуются тѣмъ, что „предпринятыя коренныя преобразованія не могутъ получить осуществленія сразу и что правительство, желая широкихъ реформъ, не будетъ, однако, держаться взглядовъ партійныхъ и не уклонится отъ началъ строго государственныхъ". На ряду съ „зоркостью" губернаторамъ рекомендовались законность и внимательность къ интересамъ частныхъ лицъ.

Первое выступленіе П. А. Столыпина въ Г. Думѣ состоялось 8 іюня 1906 г. по запросамъ объ арестѣ Щербака и о провокаціи. Въ началѣ же іюня маленькая, дотого совершенно неизвѣстная, бульварная газетка „Россія" превращается въ оффиціозъ, руководимый Гурляндомъ, Гурьевымъ и Сыромятниковымъ. Въ спеціальномъ циркулярѣ главнаго управленія по дѣламъ печати за № 5378 губернаторамъ предлагается принять во вниманіе, что передовыя статьи „Россіи" выражаютъ взгляды и намѣренія правительства.

Въ то время, какъ самъ Горемыкинъ, предсѣдательствовавшій тогда въ совѣтѣ министровъ, въ Г. Думу совершенно не показывался и вообще никакой дѣятельности не проявлялъ, П. А. Столыпинъ много работалъ. Онъ нѣсколько разъ выступалъ на думской трибунѣ, онъ велъ переговоры съ различными политическими партіями (въ томъ числѣ и съ кадетами), онъ руководилъ внутреннимъ управленіемъ, т. е. въ сущности—всей политикой. Въ то

время, какъ Стишинскаго, Гурко, Павлова Г. Дума не хотѣла и слушать и гнала ихъ отъ себя градомъ ругательствъ, къ П. А. Столыпину относились по тому времени сравнительно сдержанно. П. А. Столыпинъ старался говорить съ народными представителями корректнымъ языкомъ, выказывая имъ полагающееся по закону уваженіе, сохраняя всегда и собственное достоинство. Но оффиціозъ „Россія" для руководства губернаторамъ въ тѣ же дни писалъ: „гг. министры, конечно, не обязаны больше являться въ буйную толпу, именующую себя законодательнымъ учрежденіемъ, а могутъ посылать въ нее, если понадобится, хотя бы своихъ столоначальниковъ". Но самымъ яркимъ явленіемъ того времени было, несомнѣнно, печатаніе въ оффиціальномъ отдѣлѣ „Правительственнаго Вѣстника" такъ называемыхъ „черносотенныхъ телеграммъ", въ которыхъ наспѣхъ сорганизованные въ разныхъ мѣстностяхъ отдѣлы союза русскаго народа, руководимые Дубровинымъ и Пуришкевичемъ, работавшими тогда еще совмѣстно, просили разогнать Думу, обвиняя ее въ стремленіи къ захвату верховной власти и къ разрушенію самого государства. Печатаніе такихъ телеграммъ въ оффиціальномъ правительственномъ органѣ было, несомнѣнно, уголовнымъ преступленіемъ, проявленіемъ „дерзостнаго неуваженія" къ высшему законодательному учрежденію. Г. Дума обращалась по этому поводу сначала съ вопросомъ, а затѣмъ и съ запросомъ, къ предсѣдателю совѣта министровъ. Въ отвѣтъ на это предсѣдатель Думы С. А. Муромцевъ получилъ нѣсколько бумагъ за

подписью Горемыкина, извѣщающихъ, что онъ не признаетъ возможнымъ отвѣчать Думѣ по поводу опубликованія адресованныхъ Государю Императору телеграммъ. Благодаря этой перепискѣ, исторія съ телеграммами осталась въ общественномъ мнѣніи связанной съ именемъ Горемыкина, и роль въ ней министра внутреннихъ дѣлъ, въ непосредственномъ завѣдываніи котораго находится „Правительственный Вѣстникъ“, была не выяснена.

Изъ выступленій П. А. Столыпина въ первой Думѣ наибольшаго вниманія заслуживаетъ, конечно, его рѣчь въ отвѣтъ на запросъ о провокаціи. Онъ высказался тогда за „порядокъ, необходимый для развитія самыхъ широкихъ реформъ“, заявилъ, что „правительство такъ же, какъ и общество, желаетъ перехода къ нормальному порядку управленія“, возмущался приписаннымъ правительству желаніемъ „управлять всей страной при помощи исключительныхъ законовъ“. „Недомолвокъ не допускаю и полуправды не признаю“—сказалъ онъ въ своей рѣчи и призналъ, что „отдѣльные чины корпуса жандармовъ позволяли себѣ, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно, вмѣшиваться въ политическую агитацію и въ политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти дѣйствія неправильны, и министерство обязывается принимать самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторенія ихъ не будетъ“. Это ручательство вызвало, однако, большое сомнѣніе у отвѣчавшаго Столыпину члена Думы, бывшаго товарища министра вн. дѣлъ кн. Урусова. Высказавъ

полную увѣренность въ полной „искренности“ г. Столыпина, кн. Урусовъ, однако, заявилъ, что „можетъ утверждать, что категорическое заявленіе, сдѣланное намъ сегодня, врядъ ли имѣетъ подъ собой твердую почву“. Кн. Урусовъ пошелъ дальше. Онъ прямо указалъ и причины своего невѣрія. „Я могу утверждать — сказалъ онъ — что никакое министерство, будь оно даже взято изъ состава Государственной Думы, не сможетъ обезпечить порядокъ и спокойствіе, пока какіе-то неизвѣстные намъ люди или темныя силы, стоящія за недосягаемой оградой, будутъ имѣть возможность грубыми руками хвататься за отдѣльныя части государственнаго механизма и изощрять свое политическое невѣжество опытами надъ живыми людьми, производя какія-то политическія вивисекціи“. На это г. Столыпинъ отвѣтилъ: „По приказанію Государя я, вступивъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, получилъ всю полноту власти, и на мнѣ лежитъ вся тяжесть отвѣтственности. Если бы были призраки, которые бы мѣшали мнѣ, то эти призраки были бы разрушены, но этихъ призраковъ я не знаю“. Но на конкретныя указанія члена Г. Д. Винавера, что всѣ чиновники, изобличенные въ погромной агитаціи, не только не наказаны, но, наоборотъ, получили награды и повышенія (названы были имена Рачковскаго, Тимофеева, Будаговскаго, Подгоричани) П. А. Столыпинъ отвѣтилъ, что онъ „не обязанъ отвѣчать на запросы... о моемъ мнѣніи относительно моихъ предшественниковъ“. Отгородивъ себя, такимъ образомъ, отъ по-

литики Дурново, новый министръ вн. дѣлъ для большей ясности прибавилъ: „то, что не хорошо, того больше не будетъ“. Но тутъ ему пришлось услышать крики: „а бѣлостокскій погромъ!“. Незадолго передъ выступленіемъ министра въ Бѣлостокѣ разыгрался сильный погромъ, во время котораго было 88 человѣкъ убито и 82 ранено. Въ парламентскихъ отчетахъ остались доклады членовъ Думы, командированныхъ для разслѣдованія этого погрома. Картина получилась ужасающая. Происходилъ растрѣлъ мирнаго населенія, полиція руководила погромщиками, губернскій чиновникъ Стукаличъ подъ видомъ оффиціальной телеграммы опубликовалъ завѣдомо ложное сообщеніе объ убійствѣ еврейскими бомбами православнаго и католическаго священниковъ, якобы раненые бомбами Демидюкъ и Козубай по изслѣдованіи оказались ранеными солдатскими пулями и т. д. и т. д. Въ тѣхъ же своихъ рѣчахъ, сказанныхъ 8 іюня, П. А. Столыпинъ далъ общую образную формулу своей политики, которая вскорѣ сдѣлалась крылатымъ словомъ и часто цитировалась. „Мнѣ рисуется—говорилъ онъ—волшебный кругъ, изъ котораго выходъ по моему такой: примѣнять существующіе законы до созданія новыхъ, ограждая всѣми способами и по мѣрѣ силъ права и интересы отдѣльныхъ лицъ. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и постороннихъ; брось ружье. На это честный часовой отвѣтитъ: покуда я на посту, покуда мнѣ не дали новаго ружья, я буду стараться умѣло дѣйствовать

старымъ". Впослѣдствіи оппозиція неоднократно напоминала Столыпину, что кремневое ружье, признанное негоднымъ много лѣтъ тому назадъ, затѣмъ оказалось весьма и весьма пригоднымъ для цѣлей внутренней политики и что „честный часовой", продолжалъ преисправно дѣйствовать негоднымъ ружьемъ направо и налѣво, дѣйствительно нанося тяжелыя раны и себѣ, но больше всего, конечно, постороннимъ. По мѣрѣ „успокоенія"—говорили П. А. Столыпину- стремленіе замѣнить это „старое кремневое ружье" другимъ болѣе современнымъ и болѣе исправнымъ оружіемъ постепенно угасало. Послѣ 1 сентября 1911 г. всѣ прозрѣли, что этимъ „кремневымъ ружьемъ" убитъ былъ и самъ П. А. Столыпинъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ выступалъ въ первой Думѣ еще 12 іюня —по вопросу о помощи голодающимъ и 22 іюня—по запросу объ избіеніи депутата Сѣдельникова. Оба раза его выступленія были сдѣланы въ твердой, но корректной формѣ. Онъ заявлялъ, что въ продовольственномъ дѣлѣ правительство стремится „привлечь всѣ живыя общественныя силы на мѣстахъ", что „безъ самодѣятельности самого населенія оно не можетъ удовлетворить его потребности" и т. д. Но Дума слушала его уже не такъ внимательно, отношеніе было враждебное, и раздавались оскорбительные крики, побудившіе Столыпина на заявленія „лицъ слѣва", отвѣтить что „на ихъ клеветы, на ихъ угрозы, на ихъ угрозу захвата исполнительной власти ми-

нистръ внутреннихъ дѣлъ, носитель законной власти, имъ отвѣчать не будетъ"...

Но центръ тяжести того времени заключался не въ думскихъ выступленіяхъ. Въ странѣ продолжалось броженіе. „Революція" была разбита, но не раздавлена. То и дѣло вспыхивали волненія въ войскахъ, аграрные безпорядки, стачки. Грабежи и убійства должностныхъ лицъ совершались ежедневно. На верхахъ шла упорная борьба. Возникли двѣ партіи. Одна считала опаснымъ разрывъ съ Думой и рекомендовала идти на уступки, не пугаясь даже крайняго средства: образованія „министерства, пользующагося довѣріемъ Думы" т. е. кадетскаго министерства съ С. А. Муромцевымъ или П. Н. Милюковымъ во главѣ. Другая партія рекомендовала идти на проломъ: распустить Думу, а тамъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, не отступая и передъ военной диктатурой.

Представителемъ первой партіи явился дворцовый комендантъ Д. Ѳ. Треповъ, котораго общественное мнѣніе считало самымъ злымъ и вліятельнымъ реакціонеромъ. Противъ него была направлена знаменитая рѣчь кн. Урусова. Его онъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ о вліяніи на судьбы страны „городовыхъ и вахмистровъ по воспитанію, погромщиковъ — по убѣжденіямъ". Этотъ внезапный переворотъ до сихъ поръ составляетъ историческую и психологическую загадку. Была ли на самомъ дѣлѣ тутъ радикальная перемѣна взгляда „для спасенія монархіи", какъ утверждали одни, или же въ головѣ Д. Ѳ. Трепова сложился отчаянный поли-

цейско-провокаторскій планъ, сводящійся къ „ускоренію созрѣванія нарыва“, къ преждевременному провоцированію взрыва. чтобы подавленіемъ его и уничтоженіемъ легальной оппозиціи — расчистить пути для возстановленія и укрѣпленія стараго режима?.. Какъ бы то ни было, Д. Ѳ. Треповъ вступилъ въ переговоры съ П. Н. Милюковымъ и дѣятельно агитировалъ „въ сферахъ“ за „кадетское министерство...“

Партія, стоявшая за немедленный роспускъ Г. Думы, была, конечно, сильнѣе. Настоящіе вожди ея, вліятельные придворные, работали въ тиши. Публично выступали лишь dii minores. Высказался напр. публично г. Шванебахъ, занимавшій постъ государственнаго контролера въ министерствѣ Горемыкина. Сотруднику „Times“ г. Шванебахъ сказалъ: „Дума вовсе не парламентъ, дума -просто революціонное сборище, въ родѣ совѣта рабочихъ депутатовъ или союза союзовъ... Она дискредитируетъ себя, натворитъ много бѣдъ и кончитъ безславною смертью...“ Другой членъ кабинета, министръ финансовъ г. Коковцовъ высказывался не менѣе рѣшительно. Онъ предсказывалъ, что и немедленный роспускъ Думы не вызоветъ ни революціоннаго, ни аграрнаго движенія. „Всѣ свѣдѣнія объ этомъ—говорилъ онъ—страшно преувеличены. Тѣ же опасенія были, когда рѣшено было принять рѣшительныя мѣры противъ совѣта рабочихъ депутатовъ, и, какъ оказалось, опасенія эти не оправдались“. Какъ выяснилось впослѣдствіи, г. Шванебахъ состоялъ своеобразнымъ освѣдомителемъ

германскаго императора, которому онъ адресовалъ письма о внутреннемъ положенiи Россiи. О внутреннихъ русскихъ дѣлахъ онъ говорилъ и переписывался и съ австро - венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Эренталемъ. И, дѣйствительно, есть кое-какiя указанiя, что именно передъ роспускомъ первой Думы между вѣнскимъ и берлинскимъ кабинетами происходили переговоры о русскихъ дѣлахъ, о возможности иностраннаго вмѣшательства. Въ нашемъ оффицiозѣ „Россiи" появилась статья, подтверждавшая, что въ концѣ мая въ виду усиленiя аграрнаго движенiя въ Россiи и опасной дѣятельности Думы австрiйское правительство вело переговоры съ германскимъ. Газеты, между прочимъ, подчеркивали, что намѣстникъ австрiйской Галицiи являлся въ то же время крупнымъ русскимъ помѣщикомъ. Въ результатѣ переговоровъ оба правительства пришли къ выводу, что „при извѣстныхъ условiяхъ активное вмѣшательство во внутреннiя дѣла Россiи съ цѣлью подавленiя или ограниченiя аграрно-революцiоннаго движенiя могло бы явиться желательнымъ и полезнымъ..." но подъ условiемъ „не только согласiя, но также прямо и ясно высказаннаго желанiя соотвѣтственнаго русскаго правительства". Статья „Россiи" произвела впечатлѣнiе разорвавшейся бомбы. Газета пыталась было утверждать, что ея замѣтка не носила никакого оффицiознаго характера, основывалась на газетныхъ сообщенiяхъ сомнительной точности и проч. Но всѣ эти оговорки и старанiя замести слѣды не привели ни къ чему. Въ обще-

ственномъ мнѣніи прочно установился взглядъ, что „партія роспуска“, какъ ее тогда называли, въ видѣ послѣдняго оружія разсчитываетъ на иностранную помощь и опирается на иностранные авторитеты.

Какую же позицію среди двухъ этихъ партій занималъ министръ внутреннихъ дѣлъ? Опять-таки для рѣшенія этого вопроса въ настоящее время нѣтъ еще достаточно полныхъ свѣдѣній. Извѣстно пока вотъ что. Когда въ одномъ изъ засѣданій 3-й Думы въ 1909 г. П. Н. Милюковъ указалъ, что П. А. Столыпинъ въ іюнѣ 1906 г. велъ съ нимъ „предварительные переговоры о кадетскомъ министерствѣ“, предсѣдатель совѣта министровъ черезъ Осв. Бюро разъяснилъ, что „въ іюнѣ 1906 г. П. Н. Милюковъ былъ приглашенъ къ министру вн. дѣлъ Столыпину согласно Высочайшему указанію исключительно для выясненія плановъ и пожеланій преобладающей въ то время въ Гос. Думѣ конституціонно-демократической партіи“. Когда же П. Н. Милюковъ указалъ, какъ на единственное рѣшеніе вопроса, на образованіе чисто-кадетскаго министерства, не соглашаясь даже на коалиціонное, то П. А. Столыпинъ представилъ свой докладъ съ заключеніемъ, что это „могло бы самымъ гибельнымъ образомъ отразиться на интересахъ Россіи, каковое заключеніе—прибавляло Осв. Бюро- -было Его Величествомъ тогда же всецѣло одобрено“.

Въ общественныхъ кругахъ, однако, указывалось, что къ комбинаціи думскаго министерства съ сохраненіемъ за П. А. Столыпинымъ портфеля ми-

нистра вн. дѣлъ. П. А. относился сочувственно. Въ замѣткахъ С. А. Муромцева послѣ его смерти найдены были записи, что тов. мин. вн. дѣлъ С. Е. Крыжановскій во время своихъ визитовъ къ предсѣдателю Г. Думы „дважды заявлялъ о желательности для П. А. Столыпина встрѣчи съ С. А. въ какомъ-либо нейтральномъ мѣстѣ“, но это „въ исполненіе приведено не было“. С. А. Муромцевъ, по словамъ П. Н. Милюкова, писалъ, что „С. Е. Крыжановскій высказалъ воззрѣніе своего шефа о полной желательности и возможности занятія министерскихъ мѣстъ кадетами, при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, чтобы министерство вн. дѣлъ, какъ вѣдающее охраной, оставалось въ рукахъ Столыпина или вообще въ рукахъ бюрократіи“.

Таковы свѣдѣнія о переговорахъ П. А. Столыпина съ кадетами. Но несомнѣнно, что въ то же время министръ вн. дѣлъ вступалъ въ сношенія и съ другими общественными дѣятелями и организаціями, и не только прогрессивными, какъ гр. Гейденъ, Н. Н. Львовъ и М. А. Стаховичъ, подготовлявшими тогда партію „мирнаго обновленія“, но и съ самой сильной реакціонной группой, совѣтомъ объединеннаго дворянства. Состоявшійся въ то время дворянскій съѣздъ поднесъ Государю всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ развилъ свою программу. Она сводилась къ самому энергичному протесту противъ „принудительнаго отчужденія“ частныхъ земель и къ требованію „облегченія для крестьянъ перехода къ пользованію землей на правѣ полной собственности“. По нѣкоторымъ даннымъ

въ частныхъ переговорахъ съ П. А. Столыпинымъ совѣтъ объединеннаго дворянства, руководимый гр. А. А. Бобринскимъ и руководившій выступленіями своей демагогической организаціи „союза русскаго народа", ставилъ слѣдующія условія: 1) роспускъ Гос. Думы, 2) введеніе скорорѣшительныхъ судовъ, 3) прекращеніе всякихъ переговоровъ съ прогрессивными дѣятелями о вступленіи ихъ въ министерство и 4) измѣненіе избирательнаго закона.

Теперь, конечно, ясно, что П. А. Столыпинъ постепенно выполнилъ всю программу объединеннаго дворянства. Но сдѣлалъ онъ это не безъ колебаній и лишь послѣ того, какъ убѣдился въ безплодности своихъ стараній сойтись съ кадетами, въ безсиліи Гос. Думы и во вліятельности объединеннаго дворянства.

Окончательный переходъ П. А. Столыпина на сторону „партіи роспуска" произошелъ, повидимому, въ концѣ іюня. Московскій процессъ Рейнбота выяснилъ, что около этого времени администрація конфиденціально предупреждалась о возможности роспуска, и ей давались совѣты быть на-готовѣ.

ГЛАВА III.

Первое междудумье.

Первая Дума погибла. Сквозь шумъ и грохотъ думскихъ рѣчей П. А. Столыпинъ увидѣлъ, что страна, пославшая радикальное представительство, не окажетъ ему настоящей поддержки. Народъ,

избравшій кадетовъ и лѣвыхъ, видѣлъ въ нихъ особое новое начальство, отъ котораго самъ ждалъ великихъ и богатыхъ милостей. При такомъ настроеніи о серьезной „поддержкѣ„ нечего было и говорить, хотя на митингахъ фальсификаторы народныхъ настроеній говорили объ этомъ такъ громко, что ввели въ заблужденіе и неглупыхъ людей. То, что П. А. Столыпинъ въ данномъ случаѣ проявилъ больше проницательности и способности къ хладнокровнымъ оцѣнкамъ, чѣмъ вожди оппозиціи, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о его государственныхъ способностяхъ, какъ бы кто ни относился къ тому, на что онъ ихъ направилъ.

П. А. Столыпинъ готовился къ роспуску недѣли двѣ. Администрація была предупреждена. Собраны военныя силы. Наканунѣ самаго роспуска произошло странное событіе, кладущее большую тѣнь на перваго министра, оглашенное съ думской трибуны, но имъ необъясненное и неопровергнутое. Имѣя уже въ карманѣ указъ о роспускѣ Гос. Думы, П. А. Столыпинъ въ пятницу вечеромъ по телефону извѣщалъ С. А. Муромцева о своемъ намѣреніи выступить въ понедѣльникъ въ Думѣ... Въ воскресенье утромъ Таврическій дворецъ былъ уже занятъ войсками, а большая часть членовъ первой Думы поѣхали въ Выборгъ, гдѣ совершили политическую ошибку, которая, съ одной стороны, значительно облегчила П. А. Столыпину его задачу, но съ другой, способствовала стремительному его уклону вправо. Мы говоримъ, конечно, о выборгскомъ воззваніи. Роспускъ первой Думы сопровождался, несомнѣнно, извѣстными

нарушеніями формы: на опубликованномъ указѣ отсутствовала скрѣпа (какъ послѣ выяснилось, она была сдѣлана Горемыкинымъ), не указанъ былъ срокъ выборовъ, а только время созыва Гос. Думы. Но актъ 3 іюня 1907 г. впослѣдствіи ясно показалъ, что говорить о государственномъ переворотѣ 9 іюля 1906 г. еще не было основаній.

Поѣздка конституціоналистовъ-демократовъ и лѣвыхъ въ Выборгъ явилась фономъ для выступленія двухъ другихъ партій: существовавшаго уже союза 17 октября и вновь образовавшейся группы мирнообновленцевъ, къ которой примкнули нѣкоторые бывшіе кадеты, напр. Н. Н. Львовъ. Эти группы обратились къ населенію съ воззваніемъ, приглашая спокойно готовиться къ новымъ выборамъ. Революціонныя группы волновались и на теріокскихъ совѣщаніяхъ, на которыхъ, какъ впослѣдствіи обнаружилось, секретарствовалъ Азефъ, было рѣшено готовиться къ „вооруженному возстанію". Предполагалось объявить всеобщую забастовку, подкрѣпивъ ее вооруженнымъ возстаніемъ въ арміи и флотѣ. Но планъ этотъ провалился. Возстаніе въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ и во флотѣ у Ревеля разыгрались совсѣмъ не такъ и не въ то время, какъ разсчитывали революціонеры, и были легко подавлены. Забастовка не удалась. Но настроеніе тревоги было все-таки распространено.

Черезъ два дня послѣ вступленія въ должность, 11 іюля, П. А. Столыпинъ отправилъ губернаторамъ двѣ циркулярныхъ телеграммы. Первая изъ нихъ, которая по телеграфу была сообщена и за-

границу, говорила: „Борьба ведется не противъ общества, а противъ враговъ общества. Поэтому огульныя репрессіи не могутъ быть одобрены... Правительство проникнуто твердымъ намѣреніемъ способствовать отмѣнѣ и измѣненію въ законномъ порядкѣ законовъ устарѣвшихъ и недостигающихъ своего назначенія. Старый строй получитъ обновленіе". Во второй телеграммѣ губернаторамъ предписывалось, „дабы не препятствовать умиротворенію страны и спокойному ожиданію реформъ, строго слѣдить за населеніемъ, не разрѣшая ему ни собраній, ни митинговъ, возбуждающихъ къ противозаконнымъ дѣяніямъ". Затѣмъ рекомендовались „мѣры предосторожности для пресѣченія безпорядковъ": „высылки, аресты и ссылки въ отдаленныя мѣста Имперіи"... Немедленно же въ столицахъ и въ провинціи было закрыто множество газетъ, арестовано масса лицъ и закрыты между прочимъ всѣ клубы, центральные и раіонные, партіи народной свободы, впослѣдствіи въ Москвѣ открытые до новаго закрытія.

Въ то же время П. А. Столыпинъ началъ переговоры съ общественными дѣятелями (отъ октябристовъ до кадетъ) о вступленіи ихъ въ совѣтъ министровъ. Переговоры велись съ двумя группами. Во главѣ одной стояли Д. Н. Шиповъ и кн. Г. Е. Львовъ, а во главѣ другой—гр. Гейденъ, Н. Н. Львовъ и А. И. Гучковъ. Первые оказались болѣе требовательными. Они настаивали на предоставленіи общественнымъ дѣятелямъ семи мѣстъ въ кабинетѣ и при томъ требовали непремѣнно портфеля

министра внутреннихъ дѣлъ. Этихъ условій П. А. Столыпинъ не принялъ. Другая группа такъ же, какъ и первая, требовала опубликованія опредѣленной программы, но соглашалась ограничиться только пятью портфелями. П. А. Столыпинъ предложилъ вопросъ о принятіи и опубликованіи программы „оставить открытымъ въ виду того, что правительство рѣшило „и безъ того неуклонно слѣдовать по пути реформъ", что же касается портфелей, то на первое время ограничиться двумя. Гр. Гейденъ сразу понялъ, что онъ является третьимъ — лишнимъ и уѣхалъ, а А. И. Гучковъ и Н. Н. Львовъ, посовѣщавшись, отклонили сдѣланныя имъ предложенія. Въ выпущенномъ затѣмъ оффиціальномъ сообщеніи говорилось, что комбинація со вступленіемъ въ кабинетъ общественныхъ дѣятелей встрѣтила затрудненіе „внѣ доброй воли правительства и самихъ общественныхъ дѣятелей". „Послѣдніе—объяснялось далѣе—желали составить группу лицъ единомышленныхъ, которыя должны бы войти въ правительство, но это имъ не удалось; отдѣльные же общественные дѣятели, изъ которыхъ Н. Н. Львовъ и А. И. Гучковъ были приняты Его Величествомъ въ продолжительной аудіенціи, полагали, что они въ цѣляхъ мирнаго проведенія реформъ, могутъ оказать большую пользу, не уходя въ настоящую минуту отъ общественной дѣятельности, которая имъ свойственна и которая требуетъ мобилизаціи всѣхъ трезвыхъ общественныхъ силъ." Какъ мы видѣли, дѣло обстояло не совсѣмъ такъ...

Высказывалось подозрѣніе, что переговоры съ общественными дѣятелями съ самаго начала были поставлены совершенно неискренно, что они велись съ принятымъ заранѣе рѣшеніемъ никого изъ этихъ лицъ въ кабинетъ не пускать. Безпристрастный анализъ фактовъ устраняетъ это предположеніе. Какъ мы уже говорили, совѣтъ объединеннаго дворянства поставилъ П. А. Столыпину четыре условія: роспускъ думы, скорорѣшительные суды, отказъ отъ принятія въ министерство прогрессивныхъ общественныхъ дѣятелей и измѣненіе избирательнаго закона. Въ іюлѣ и въ началѣ августа 1906 г. изъ этихъ четырехъ условій было выполнено пока только одно: роспускъ думы. Есть основанія думать, что П. А. Столыпинъ не соглашался выполнять программу объединеннаго дворянства и, дѣйствительно, искалъ опоры въ общественныхъ дѣятеляхъ. Но затѣмъ, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, нашелъ предъявленныя ему условія для себя непріемлемыми и опасными...

Въ началѣ августа 1906 г. изъ 87 губерній и областей Россійской Имперіи на исключительномъ положеніи находились 82. Разбитая революціонная волна превратилась во множество самостоятельныхъ экспропріаторскихъ и террористическихъ ручейковъ, вскорѣ смѣшавшихся съ чуждыми всякой политикѣ обыкновенными грабительскими элементами. 12 августа одна изъ максималистскихъ группъ произвела памятный взрывъ на Аптекарскомъ островѣ. Брошенными бомбами огромной разрушительной силы убито было 27 человѣкъ, въ томъ числѣ и нѣко-

торые изъ преступниковъ, и ранено 32. Самъ П. А. Столыпинъ спасся чудомъ, но долженъ былъ перенести еще большее горе, горе отца у постели своихъ искалѣченныхъ дѣтей. Четырнадцатилѣтняя дочь и трехлѣтній сынъ были тяжело ранены, но, къ счастью, остались живы. П. А. Столыпинъ во время покушенія и послѣ него проявилъ большое мужество Въ Россіи, а въ особенности за-границей, престижъ П. А. Столыпина поднялся очень высоко. Максималисты, готовившіе П. А. Столыпину на Аптекарскомъ островѣ могилу, на самомъ дѣлѣ создали для него пьедесталъ, какъ раньше купленные союзомъ русскаго народа убійцы создали скромному приватъ-доценту и московскому депутату Герценштейну ореолъ мученика за крестьянскіе интересы...

Преступленіе 12 августа заставило П. А. Столыпина напрячь всѣ свои силы. Съ августа мѣсяца начинается самое интенсивное и продуктивное время его управленія. Въ послѣдующіе пять мѣсяцевъ онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ за всѣ остальные пять лѣтъ. Въ это же время имъ совершены и крупнѣйшія ошибки, которыя обезплодили хорошее и принесли такъ много дурного.

Послѣ ликвидаціи переговоровъ съ общественными дѣятелями кабинетъ былъ образованъ изъ представителей бюрократіи, при чемъ наиболѣе реакціонные дѣятели горемыкинскаго министерства, въ родѣ А. С. Стишинскаго и кн. Ширинскаго-Шихматова, были удалены. 24 августа была обнародована обширная правительственная программа. Она состояла изъ двухъ частей: боевой и рефор-

маторской. Сообщивъ, что еще до роспуска Думы „революціонные круги“ дѣятельно подготовляли вооруженное и аграрное возстанія, которыя должны были быть поддержаны Думой, усиліями крайнихъ элементовъ превращенной въ учредительное собраніе, правительство указывало на полную неудачу всѣхъ этихъ замысловъ. Но такъ какъ отдѣльные террористическіе акты, въ которые выродилась революція, имѣющіе цѣлью навести на правительство панику, приводятъ общество въ „смятеніе и тревогу“, то „правительство, не колеблясь, противопоставитъ насилію силу“. Съ этою цѣлью на основаніи ст. 87-й вводилось положеніе о военно-полевыхъ судахъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ и на положеніи чрезвычайной охраны, и значительно усиливались наказанія за пропаганду въ войскахъ.

Затѣмъ слѣдовалъ переходъ къ реформаторской программѣ, которой предшествовало любопытное введеніе, свидѣтельствовавшее, что въ то время П. А. Столыпинъ еще боролся съ совѣтомъ объединеннаго дворянства и руководимыми имъ организаціями. Правительство — говорилось въ программѣ — отказывается „обратиться исключительно къ проведенію въ жизнь освободительныхъ реформъ, разсчитывая, что крамола въ этомъ случаѣ сама собою прекратится, потерявъ всякій свой смыслъ“. Мнѣніе это правительство не можетъ принять уже потому, что „революція борется не изъ-за реформъ, проведеніе которыхъ считаетъ своею обязанностью и правительство, а изъ-за разрушенія самой госу-

дарственности, крушенія монархіи и введенія соціалистическаго строя". Но — говорится въ программѣ — „правительство не можетъ, какъ того требуютъ нѣкоторыя общественныя группы, и пріостановить всѣ преобразованія, пріостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу съ крамолою, сосредоточившись на проявленіяхъ зла и не углубляясь въ его существо". „Было бы величайшей ошибкой — говорилось въ другомъ мѣстѣ—видѣть въ огражденіи государства отъ преступныхъ покушеній единственную задачу государственной власти, забывая о глубокихъ причинахъ, породившихъ уродливыя явленія".

За этой объяснительною частью слѣдовалъ перечень предстоящихъ реформаторскихъ работъ. Онѣ были раздѣлены на двѣ группы. Однѣ реформы должны были быть произведены немедленно, не дожидаясь созыва Гос. Думы, на основаніи ст. 87-й Осн. Законовъ. Другія же должны были быть разработаны для представленія народнымъ представителямъ.

Въ ряду реформъ, которыя „по своей неотложности должны были быть проведены немедленно", на первое мѣсто былъ поставленъ вопросъ земельный и землеустроительный. Затѣмъ будутъ проведены „нѣкоторыя неотложныя мѣропріятія въ смыслѣ гражданскаго равноправія и свободы вѣроисповѣданія: предположено отмѣнить отжившія ограниченія, стѣсняющія крестьянъ и старообрядцевъ". „Равнымъ образомъ—говорилось въ программѣ—и въ области еврейскаго вопроса безотлагательно будетъ

разсмотрѣно, какія ограниченія, какъ вселяющія лишь раздраженіе и явно отжившія, могутъ быть отмѣнены немедленно и какія, какъ касающіяся существа отношеній еврейской народности къ коренному населенію, являются дѣломъ народной совѣсти, почему предрѣшеніе ихъ стѣснило бы последующую работу законодательныхъ учрежденій". Какъ на мѣру неотложную, указывалось и на приступъ къ введенію всеобщаго образованія и на улучшеніе матеріальнаго обезпеченія народныхъ учителей, для чего въ ближайшую смѣту вносилось 5½ милл. р. Списокъ реформъ, подготовлявшихся для внесенія въ Г. Думу, обнималъ 12 пунктовъ. Отдѣльно стояло указаніе на подготовительныя работы по предстоящему созыву всероссійскаго помѣстнаго церковнаго собора. Въ заключеніи программы говорилось, что „правительство считаетъ для себя обязательнымъ не стѣснять свободно высказываемаго общественнаго мнѣнія, будь то печатнымъ словомъ или путемъ общественныхъ собраній", если только „этими способами разумнаго проявленія общественнаго сознанія" не будутъ пользоваться „для проведенія идей революціонныхъ".

Правительственная программа была встрѣчена общественнымъ мнѣніемъ недовѣрчиво. Военно-полевые суды, въ корнѣ отрицавшіе всякую идею суда и права и представлявшіе лишь расправу подъ видомъ суда безъ всякихъ гарантій съ противникомъ, уже захваченнымъ и обезвреженнымъ, вызвали особенно сильный протестъ. Изъ общественныхъ дѣя-

телей - конституціоналистовъ только одинъ А. И. Гучковъ выступилъ съ публичнымъ одобреніемъ всей правительственной программы, не исключая и военно-полевыхъ судовъ. Это выступленіе вызвало жестокій отпоръ со стороны кн. Е. Н. Трубецкого. „Вамъ—писалъ онъ А. И. Гучкову въ открытомъ письмѣ—лучше, чѣмъ кому-либо, судить о заявленіяхъ П. А. Столыпина, который „по независящимъ обстоятельствамъ“ не могъ исполнить своей программы, требовавшей включенія въ его кабинетъ общественныхъ дѣятелей. Вы знаете, что почти на другой день послѣ опубликованія правительственнаго сообщенія, гдѣ правительство говоритъ о своемъ твердомъ намѣреніи не стѣснять свободнаго выраженія общественнаго мнѣнія, послѣдовалъ отказъ въ разрѣшеніи съѣзда партіи народной свободы. Въ бесѣдѣ съ кн. П. Д. Долгоруковымъ П. А. Столыпинъ заявилъ себя сторонникомъ легализаціи партіи: онъ призналъ „безуміемъ“ загонять ее въ подполье, и, тѣмъ не менѣе, „безуміе“ было совершено.“

Выступленіе А. И. Гучкова повело къ очищенію союза 17 октября отъ „лѣвыхъ элементовъ“. Ушелъ Д. Н. Шиповъ, и подъ руководствомъ А. И. Гучкова союзъ сдѣлался вѣрной опорой П. А. Столыпина. Въ его министерствѣ шла лихорадочная работа. Она велась въ четырехъ направленіяхъ: 1) осуществлялись реформы, обѣщанныя въ „программѣ“, 2) шла непрерывная борьба съ остатками разбитыхъ революціонеровъ и объявленными революціонерами уголовными преступниками при помощи

военно-полевыхъ судовъ и массовыхъ смертныхъ казней, 3) подъ руковсдствомъ Крыжановскаго подготовлялись выборы во вторую Думу, 4) объявлена была безпощадная борьба партіи народной свободы („кадетамъ“) и поддерживающимъ ее общественнымъ элементамъ.

Съѣздъ партіи народной свободы былъ запрещенъ, въ легализаціи ей было отказано, правда, по мотивамъ формальнымъ, оставлявшимъ возможность дальнѣйшихъ попытокъ. Руководители партіи вступили въ непосредственные переговоры съ главой исполнительной власти и тутъ могли убѣдиться, въ какой мѣрѣ П. А. Столыпинъ не довѣряетъ „кадетамъ“. Ихъ онъ считалъ своими злѣйшими врагами, не только политическими, но и личными. Въ нихъ онъ видѣлъ людей, которые могутъ быть призваны къ составленію министерсгва. Эти своеобразныя отношенія наложили печать на всю дальнѣйшую политику П. А. Столыпина, въ которой борьба съ кадетами заняла непропорціонально большое мѣсто. Оффиціозъ „Россія“ былъ спеціально посвященъ травлѣ кадетъ, и г. Гурляндъ спеціализировался на этомъ спортѣ. Впослѣдствіи, когда элементы, недовольные реформами, проведенными Столыпинымъ, подкапываясь подъ него, начали самого его именовать кадетомъ, анти-кадетская кампанія, съ такимъ усердіемъ ведомая министерствомъ, явилась какъ-бы страхованіемъ отъ подозрѣній... Воспользовавшись выборгскимъ воззваніемъ, П. А. Столыпинъ однимъ ударомъ обезвредилъ весь кадетскій штабъ. Противъ членовъ 1-й Г. Думы, подписавшихъ воззваніе,

возбуждено было, не безъ насилія надъ закономъ, преслѣдованіе по ст. 129-й, какъ влекущее лишеніе избирательныхъ правъ. По почину курскаго дворянства, дворянскія общества стали исключать перводумцевъ изъ дворянскихъ собраній, что влекло за собой устраненіе ихъ отъ всякой общественной дѣятельности. Нельзя при этомъ не вспомнить, что въ Германіи съ депутатами національнаго собранія 1848 г., сдѣлавшими то же самое, что и депутаты первой русской Думы, поступлено было иначе. Ихъ не преслѣдовали, избирательныхъ правъ не лишали, и впослѣдствіи изъ ихъ рядовъ вышло много общественныхъ дѣятелей, принесшихъ родинѣ большую пользу. Многіе изъ нихъ стали вѣрными, за совѣсть, а не за плату, сотрудниками Бисмарка.

Провинціальныя власти слѣдовали, конечно, лозунгу, данному изъ Петербурга. Началось повсемѣстное преслѣдованіе кадетъ. Ихъ исключали и не допускали въ органы городского и земскаго самоуправленія. Всѣ ихъ организаціи были закрыты. Ихъ гнали со службы. Наиболѣе ревностные губернаторы, въ родѣ вологодскаго, костромского и иныхъ, возбуждали противъ нихъ дутые процессы, огромное большинство которыхъ черезъ два-три года окончилось оправданіями, но пока что „кадеты“ были „изъяты“. Примѣненъ былъ въ ходъ методъ „ревизій“, задача которыхъ сводилась къ тому, чтобы открыть кадетскія „хищенія“ и изобразить ихъ въ глазахъ населенія безчестными людьми. Таковы были процессы противъ Кудряваго, Масленниковыхъ и др. И они закончились оправдательными приговорами...

На преслѣдованіи „кадетъ“ дѣло не остановилось. Союзъ 17 октября былъ легализованъ, но дѣятельности никакой не проявлялъ. Но уже съ партіей мирнаго обновленія, въ составъ которой входили тѣ люди, которыхъ П. А. Столыпинъ мѣсяца два тому назадъ приглашалъ въ свое министерство, произошелъ скандалъ. Ей было отказано въ легализаціи въ виду преслѣдованія задачъ, угрожающихъ общественному спокойствію. Легализованной дѣятельной партіей былъ только одинъ союзъ русскаго народа, которому и разрѣшенъ былъ съѣздъ въ Кіевѣ въ то самое время, какъ онъ былъ запрещенъ партіи народной свободы. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ П. А. Столыпинъ, какъ разоблачилъ впослѣдствіи г. Булацель, велъ переговоры съ „союзомъ“. Виднымъ союзникамъ онъ обѣщалъ что, если они составятъ большинство въ Государственной Думѣ, то къ измѣненію основныхъ законовъ въ ихъ духѣ „врядъ ли бы встрѣтилось препятствіе“. Тов. мин. вн. дѣлъ С. Е. Крыжановскій при содѣйствіи Пуришкевича, который тогда въ роли товарища предсѣдателя союза руководилъ всѣми союзными дѣлами, дѣятельно работалъ надъ насажденіемъ въ провинціи отдѣловъ союза, надъ развитіемъ оффиціозной и союзнической прессы и проч. На все это были ассигнованы большія деньги. Но кіевскій съѣздъ союзниковъ выяснилъ, что союзъ—плохая опора. Тайные полицейскіе доклады показали, во-первыхъ, что союзъ состоитъ изъ очень подозрительныхъ, не пользующихся никакимъ уваженіемъ среди населенія, элементовъ, и, во-вто-

рыхъ, что разсчитывать на побѣду союзниковъ на выборахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, какія бы мѣры ни принимались. А мѣры эти были задуманы очень рѣшительныя. С. Е. Крыжановскій при помощи такъ называемыхъ сенатскихъ разъясненій подготовилъ въ сущности чрезвычайно рѣзкое измѣненіе избирательнаго закона...

Неудача съ союзниками заставила сдѣлать нѣкоторый поворотъ. Петербургскому присутствію объ обществахъ даны были указанія о необходимости легализовать партію мирнаго обновленія, что и было, конечно, сдѣлано, не безъ нѣкотораго конфуза. Октябристамъ начали удѣлять нѣсколько большее вниманіе, чѣмъ союзникамъ, а министры выказывали особыя симпатіи къ торгово-промышленнымъ кругамъ. Но —главное— рѣшено было взяться за реализацію обѣщанныхъ въ программѣ 24 августа реформъ. Осуществленіе ея носило довольно оригинальный характеръ. Кое въ чемъ она была расширена противъ первоначальныхъ предположеній. а кое-что изъ категорически сдѣланныхъ правительствомъ обѣщаній выполнено не было.

Еще 12 августа, до обнародованія программы, по указу Государя были переданы Крестьянскому Банку для продажи малоземельнымъ крестьянамъ удѣльныя земли. 27 августа послѣдовалъ указъ о передачѣ Банку для продажи крестьянамъ казенныхъ земель.

5 октября послѣдовалъ указъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ

сословій. Крестьяне были сравнены съ лицами другихъ сословій въ правахъ паспортныхъ. Разрѣшена была принадлежность къ нѣсколькимъ сельскимъ обществамъ и постановлено, что крестьянинъ, получающій высшія права состоянія, можетъ оставаться членомъ сельскаго общества, сохраняя и право на надѣлъ. Отмѣнено право земскаго начальника карать крестьянъ безъ суда въ административномъ порядкѣ. Кандидатамъ въ земскіе гласные, избиравшимся волостными сходами, дозволено выбирать изъ своей среды гласныхъ, которыхъ до сихъ поръ назначалъ губернаторъ. Отмѣнены ограниченія обязываться векселями.

17 октября послѣдовали указы о вѣроисповѣдной свободѣ для старообрядцевъ разныхъ толковъ и сектантовъ. Этими узаконеніями опредѣлялись права старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ, наставниковъ, веденіе метрикъ. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что въ программѣ 24 августа говорилось только о старообрядцахъ, тогда какъ указы 17 окт. 1906 г. коснулись и сектантовъ.

Въ октябрѣ же изданы были указы о пониженіи платежей крестьянъ по ссудамъ Крестьянскаго Банка и о разрѣшеніи владѣльцамъ маіоратныхъ и заповѣдныхъ имѣній отчуждать крестьянамъ участки своихъ владѣній.

9 ноября послѣдовалъ знаменитый указъ о выходѣ крестьянъ изъ общины, представляющій несомнѣнно самое крупное дѣло П. А. Столыпина. О значеніи этой мѣры и ея роли въ политикѣ покойнаго премьера намъ придется говорить позднѣе.

Здѣсь отмѣтимъ, что въ разработкѣ этой мѣры принималъ близкое участіе товарищъ министра вн. дѣлъ и одинъ изъ руководителей общедворянской организаціи В. І. Гурко, которому скоро пришлось пасть жертвой лидвалевскаго скандала съ поставкой хлѣба въ голодающія губерніи.

15 ноября изданы были правила объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ и въ ремесленныхъ заведеніяхъ. О немедленномъ осуществленіи этой мѣры въ программѣ 24 августа не говорилось. Но видная роль, которую въ городскихъ выборахъ играли приказчики, своими голосами давшіе побѣду кадетамъ, заставила правительство пойти дальше обѣщаннаго.

15 же ноября изданъ былъ указъ о выдачѣ крестьянамъ ссудъ изъ Крестьянскаго Банка подъ залогъ надѣльныхъ земель.

Такъ была осуществлена П. А. Столыпинымъ его реформаторская программа, по поводу которой г. Меньшиковъ сказалъ, что предсѣдатель совѣта министровъ „обобралъ кадетскую программу". Кое-что, какъ мы видѣли, шло далѣе обѣщаннаго 24 августа. Но въ еврейскомъ, напр., вопросѣ категорическое обѣщаніе „безотлагательно" разсмотрѣть, какія ограниченія могутъ быть „отмѣнены немедленно", осталось неисполненнымъ. Такихъ ограниченій не нашлось, хотя В. Н. Коковцовъ и намѣтилъ рядъ реформъ по улучшенію участи евреевъ. Утверждаютъ, что П. А. Столыпинъ въ данномъ случаѣ наткнулся на препятствія, которыхъ не могъ

преодолѣть. Извѣстно только, что г. Пуришкевичъ хвастался, что по его сигналу 205 отдѣловъ союза русскаго народа обратились съ телеграммами о недопустимости льготъ евреямъ, и что эта масса телеграммъ произвела очень сильное впечатлѣніе. Но извѣстно также, что въ это время г. Пуришкевичъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ подручнымъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ С. Е. Крыжановскаго, вѣдавшаго еврейскими дѣлами.

Проводя реформы, П. А. Столыпинъ продолжалъ бороться съ „революціей", пуская въ ходъ не только весь огромный арсеналъ старыхъ репрессивныхъ мѣръ, но и вооружая власть новыми средствами при помощи ст. 87 Осн. Зак. Были изданы указы объ усиленіи уголовной отвѣтственности военно-служащихъ за государственныя преступленія, о наложеніи на преступниковъ предупредительныхъ связокъ, о наказаніяхъ за восхваленіе преступленій...

ГЛАВА IV.

Вторая Дума и второе междудумье.

„Укажите мнѣ жало кадетской партіи, и я вырву его безъ остатка" — говорилъ П. А. Столыпинъ А. И. Гучкову передъ началомъ избирательной кампаніи. Подъ этимъ лозунгомъ и была проведена вся кампанія. „Кадеты — вотъ самый серьезный врагъ" — эту максиму государственнаго управленія оффиціозная печать ежедневно твердила провинціальной ад-

министраціи, а та дѣйствовала соотвѣтственно приказу изъ столицы. При помощи сенатскихъ разъясненій избиратели изъ крестьянской и рабочей куріи лишены были, вопреки закону, права участвовать въ выборахъ на общемъ положеніи. Въ декабрѣ появилась и была распубликована Сенатомъ явно незаконная инструкція, которая, вопреки прежней инструкціи и закону, устанавливала обязательность казенныхъ бланковъ съ казенной печатью, выдаваемыхъ только „легализованнымъ партіямъ“. Смыслъ отказа въ легализаціи партіи народной свободы дѣлался яснымъ для всѣхъ. Выборы тогда вездѣ были косвенные. Въ городахъ приходилось выбирать десятки выборщиковъ. Партія, вынужденная заполнять эти выборные бюллетени отъ руки, естественно не могла выдержать конкуренціи съ партіей, получившей заблаговременно изъ городскихъ и земскихъ управъ тысячи бланковъ для заполненія ихъ печатнымъ способомъ. На этомъ нехитромъ пріемѣ октябристы и строили свои на- дежды на побѣду...

Характерно все-таки, что представитель крайнихъ правыхъ В. Пуришкевичъ не раздѣлялъ октябристскихъ иллюзій. Лучше зная настроеніе провинціи, онъ допускалъ возможность побѣды кадетовъ и при выборахъ во вторую Думу. На съѣздѣ объединеннаго дворянства онъ откровенно объяснялъ вытекающія изъ этого опасности. Кадеты—говорилъ онъ- послѣ выборгской неудачи сдѣлались осторожными, они не допустятъ до роспуска Думы и конституціонализмъ въ русской жизни начнетъ

укореняться. Поэтому Пуришкевичъ отъ имени 205 отдѣловъ союза русскаго народа предлагалъ на выборахъ, въ случаѣ невозможности провести праваго кандидата, всячески содѣйствовать успѣху лѣвой революціонной кандидатуры противъ кадетъ. Лѣвые — утверждалъ Пуришкевичъ — несомнѣнно сорвутся и доведутъ Думу до роспуска, а послѣ вторичнаго роспуска измѣненіе избирательнаго закона, на что П. А. Столыпинъ пока не соглашался, станетъ неизбѣжнымъ. Есть основанія думать, что пуришкевичевскихъ взглядовъ держались многіе администраторы, что были даже откровенныя инструкціи: лучше лѣвый, чѣмъ кадетъ. Особенныя усилія были направлены на то, чтобы не допустить въ Думу немногихъ кадетскихъ „лидеровъ", уцѣлѣвшихъ еще послѣ выборгскаго дѣла, лишившаго избирательныхъ правъ почти весь кадетскій штабъ. Чрезвычайно характерны напр., были старанія, увѣнчавшіяся успѣхомъ, не допустить въ Г. Думу П. Н. Милюкова. Тутъ дѣйствовали, несомнѣнно, и личныя антипатіи и опасенія...

На выборахъ П. А. Столыпинъ одержалъ своеобразную побѣду. Кадеты вошли въ Думу, хотя и преобладающей по числу фракціей, но, сравнительно съ численностью ихъ въ первой Думѣ, значительно ослабленной. Со всѣми примыкающими они насчитывали не болѣе 100 депутатовъ (въ первой Думѣ — 187), а слѣва противъ нихъ воздвигалась громада почти въ 200 человѣкъ трудовиковъ, соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ. Октябристовъ была незначительная кучка. Правые образовали

сильное крыло въ 63 депутата, поставившихъ своею цѣлью всячески мѣшать думской работѣ и дискредитировать Думу постоянными скандалами. Мусульманская группа поддерживала кадетъ, а польская стояла обособленно и разсчитывала играть роль стрѣлки вѣсовъ, своимъ колебаніемъ дающей перевѣсъ той или другой сторонѣ. Съ перваго же дня открытія Думы сдѣлалось ясно, что кадеты, составлявшіе центръ, были въ то же время плѣнниками крайней лѣвой. Соціалистическая Дума—такова была плата за безоглядную борьбу съ кадетами.

Съ перваго же дня сдѣлалось ясно, что вторая Дума обречена на смерть. Кадеты дѣлали чрезвычайныя попытки спасти Думу и ради этого допускали иногда даже нежелательные компромиссы, главное, безцѣльные и потому совершенно лишніе. Лѣвые были неорганизованы, не знали въ сущности, что имъ дѣлать. Въ существенномъ они все же подчинялись кадетскому центру, но дѣлали все возможное, чтобы дискредитировать его, набросать ему какъ можно больше палокъ въ колеса и на немъ сорвать злобу своего безсилія. Это было ужасное зрѣлище гніенія народнаго представительства. И теперь еще иногда говорятъ, что вторую Думу можно было спасти, оторвавъ крестьянъ отъ лѣвыхъ и прочно присоединивъ ихъ къ центру. Говорятъ, что крестьяне тяготились опекой революціонеровъ, боялись роспуска и при малѣйшемъ намекѣ на серьезную работу въ аграрномъ вопросѣ пошли бы рука объ руку съ кадетскимъ центромъ. Но если и допустить, что крестьяне-трудовики изба-

вились бы отъ „гегемоніи“ соціалистическихъ партій, все же сомнительно, чтобы при тогдашнемъ „соотношеніи силъ“ возможна была какая-либо серьезная работа вмѣстѣ съ правительствомъ на почвѣ кадетскаго земельнаго проекта. Положеніе было безнадежнѣе, чѣмъ думали...

П. А. Столыпинъ часто выступалъ въ Думѣ, и его выступленія имѣли довольно тріумфальный, хотя и нѣсколько странный, характеръ. Онъ произносилъ очень либеральныя рѣчи. Изложенная имъ программа реформъ въ деклараціи 6 марта обнимала, дѣйствительно, чуть ли не всѣ стороны русской жизни и представляла, такъ сказать, квинтъ-эссенцію всѣхъ „внутреннихъ обозрѣній“ „Вѣстника Европы“ за то время, когда русскій либерализмъ могъ говорить о реформахъ, избѣгая слова „конституція“. П. А. Столыпинъ, какъ и раньше Витте, тоже избѣгалъ этого слова. Онъ произносилъ его только въ бесѣдахъ съ иностранными корреспондентами, а „Готскій Альманахъ“ опредѣлилъ нашъ государственный строй, какъ „конституціонную монархію при самодержавномъ царѣ“. Но П. А. Столыпинъ открыто говорилъ о „происшедшемъ въ октябрѣ 1905 г. коренномъ измѣненіи въ нашемъ государственномъ устройствѣ“. „Преобразованное по волѣ Монарха отечество наше—сказалъ онъ—должно превратиться въ государство правовое“. Взглядъ его на рабочее движеніе отличался извѣстной широтой. „Разсматривая рабочее движеніе, какъ естественное стремленіе рабочихъ къ улучшенію своего положенія,—говорилось въ деклараціи - реформа должна предо-

ставить этому движенію естественный выходъ, съ устраненіемъ всякихъ мѣръ, направленныхъ къ искусственному его поощренію, а также къ стѣсненію этого движенія, поскольку оно не угрожаетъ общественному порядку и общественной безопасности". Оправдываясь въ примѣненіи военно-полевыхъ судовъ, онъ заявилъ: „Борясь исключительными средствами въ исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую Думу". Онъ прозрачно намекалъ, что странѣ грозила „диктатура", если бы онъ не рѣшился на чрезвычайныя мѣры. П. А. Столыпинъ признавалъ, что исключительныя мѣры, если становятся длительными, теряютъ силу и могутъ отразиться на самомъ народѣ, „нравы котораго должны воспитываться закономъ". „Мнѣнія, несогласныя со взглядами правительства, не могутъ почитаться послѣднимъ за крамолу" -говорилъ онъ по поводу разногласій въ столь остромъ вопросѣ, какъ аграрный, въ то время какъ въ провинціи каждое упоминаніе о возможности напр., „принудительнаго отчужденія" почиталось именно „за крамолу" и жестоко каралось. На фонѣ этого либерализма, всегда тщательно отмѣчавшагося въ заграничной печати, пріобрѣли большую силу и его знаменитыя слова по адресу крайнихъ лѣвыхъ: „не запугаете"! Предсѣдатель совѣта министровъ говорилъ въ Гос. Думѣ, что „правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково намъ понятенъ", а министерская печать въ то же время изо дня въ день поносила Думу,

какъ скопище преступниковъ, травила партію народной свободы, дѣлавшую всевозможныя усилія для образованія прочнаго работоспособнаго конституціоннаго центра. Депутаты крайней правой, про которыхъ было извѣстно, что они получаютъ казенныя субсидіи, апплодировали либеральнымъ рѣчамъ премьера и ставили своею спеціальной цѣлью дискредитированіе Думы для того, чтобы „сорвать ее“. Впослѣдствіи, уже при третьей Думѣ, одинъ изъ руководителей этой кампаніи, г. Крупенскій, откровенно сознался, что онъ и его товарищи „срывали вторую Думу“- А когда Дума, возмущенная непрекращающимися скандалами членовъ крайней правой, постановила удалить на время нѣкоторыхъ изъ нихъ, то начальникъ охраны Таврическаго дворца бар. Остенъ-Сакенъ, получавшій приказы изъ министерства, открыто заявилъ, что не считаетъ для себя обязательными распоряженія предсѣдателя Г. Думы. Между Думой и исполнительной властью началась мелкая и мелочная война, имѣвшая цѣлью исключительно подрывъ думскаго авторитета. П. А. Столыпинъ прислалъ предсѣдателю Думы запросъ, на какомъ основаніи думскія комиссіи приглашаютъ въ свои засѣданія постороннихъ лицъ (на обсужденіе продовольственнаго дѣла былъ приглашенъ предсѣдатель общеземской организаціи кн. Львовъ). На этотъ запросъ предсѣдатель Думы съ большимъ достоинствомъ отвѣтилъ, что „въ учрежденіи Г. Думы есть ст. 33, которая даетъ Государственной Думѣ право обращаться къ министрамъ съ запросами по поводу ихъ незакономѣрныхъ дѣйствій, но

нѣтъ статьи, которая давала бы право министрамъ дѣлать запросъ Государственной Думѣ или ея предсѣдателю". Тогда П. А. Столыпинъ отдалъ завѣдующему охраной Таврическаго дворца приказъ не допускать въ стѣны послѣдняго никакихъ вообще постороннихъ лицъ. Охрана такъ поусердствовала, что не пропустила во дворецъ даже завѣдующаго думской канцеляріей Астрова. Затѣмъ П. А. Столыпинъ разослалъ во всѣ общественныя учрежденія циркуляры о строгомъ запрещеніи давать какіе-либо отвѣты на запросы, исходящіе непосредственно изъ Г. Думы и ея комиссій.

Въ Думѣ шли безконечные разговоры о землѣ, о террорѣ, объ убійствахъ справа и слѣва... Затопляемая потокомъ рѣчей, Дума ничего не могла дѣлать. „Дума гніетъ на корню"—торжествовали правые и, казалось, такъ оно и было. П. А. Столыпинъ велъ двойственную политику. Съ одной стороны, онъ поддерживалъ Думу, съ другой, дискредитировала ее при помощи оффиціозной печати. Есть основанія думать, что онъ защищалъ Думу и въ высшихъ сферахъ, но въ то же время онъ приказалъ С. Е. Крыжановскому подготовить заблаговременно проектъ новаго избирательнаго закона, который былъ даже разсмотрѣнъ въ совѣтѣ министровъ. Но вдругъ „гніющая" Дума начала проявлять признаки выздоровленія. Кадетамъ послѣ долгихъ усилій удалось поставить на очередь вопросъ о мѣстномъ судѣ и подвергнуть его дѣловому обсужденію. Въ комиссіяхъ энергично подготовлялись проекты волостного земства. Даже въ аграрной ко-

миссіи отвергнута была идея земельнаго фонда, на которую опирались сторонники націонализаціи и соціализаціи земли, а среди крестьянъ трудовой группы шло усиленное броженіе противъ лидеровъ, и крестьяне то прямо переходили во фракцію народной свободы, то мечтали объ организаціи своей крестьянской группы. Возникла опасность, что Дума выживетъ, и реакціонеры заторопились. Это совпало со слухами о заговорѣ и съ дѣломъ о конспираціи, якобы затѣянной соціалъ-демократической фракціей Думы, насчитывавшей свыше полу-сотни депутатовъ. Дѣла эти до сихъ поръ остаются еще невыясненными, но уже указаны тѣ провокаторы, въ родѣ г. Бродскаго, которые принимали близкое участіе въ организаціи „заговора“ соціалъ-демократической фракціи и приводили въ нее мнимыхъ солдатъ съ мнимыми военными наказами, просмотрѣнными предварительно въ охранѣ.

Какъ разсказывалъ послѣ роспуска Думы, одинъ бывшій министръ, „правительству (т. е. Столыпину) было поставлено на видъ покровительство Думы революціонерамъ. На возраженіе, что нѣтъ фактовъ для обвиненія Думы въ этомъ, было заявлено: пусть Дума сама отграничитъ себя отъ революціонеровъ, выдавъ членовъ скомпрометированной с.-д. фракціи“. Премьеру предложили произвести „экзаменъ Думѣ“. Такъ какъ отказъ отъ производства такого экзамена былъ равносиленъ отставкѣ, то П. А. Столыпинъ принялъ на себя роль экзаменатора и потребовалъ у Думы выдачи 55 депутатовъ. Дума постановила передать вопросъ въ комиссію 22.

П. А. Столыпинъ понималъ, что иначе Дума поступить не могла, но реакціонеры подняли крикъ, что Дума покрываетъ революціонеровъ, дѣлаетъ оттяжки, чтобы заговорщики могли убѣжать. Въ пятницу было предъявлено требованіе о выдачѣ, а въ субботу уже вліятельные реакціонеры начали распускать слухи, что всѣ соціалъ-демократы бѣжали, что многіе изъ нихъ отправились на мѣста подымать бунтъ. На этомъ пытались свергнуть П. А. Столыпина. И хотя толки о поголовномъ бѣгствѣ соціалъ-демократовъ были ложью (бѣжало только нѣсколько человѣкъ), но П. А. Столыпинъ увидѣлъ нависшую и надъ нимъ опасность. Такъ какъ Дума хотѣла отложить отвѣтъ до понедѣльника, то въ ночь на воскресенье она была распущена и опубликованъ новый избирательный законъ. Уже одно опубликованіе акта, на составленіе котораго требовалось большое время, доказывало, что „заговоръ“ былъ лишь предлогомъ...

На этотъ разъ произошелъ явный, неоспоримый coup d'état

Вопреки ст. ст. 86, 87 и 92 Основныхъ Законовъ былъ измѣненъ избирательный законъ. По новому закону преобладающая роль въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ переходила къ выборщикамъ отъ землевладѣльцевъ, которые получали возможность избирать депутатовъ даже отъ крестьянской и рабочей курій. Цѣлый рядъ окраинныхъ губерній былъ совершенно лишенъ представительства. Въ Царствѣ Польскомъ, на Кавказѣ, и въ западныхъ губерніяхъ представительство было значитель-

но сокращено и искажено введеніемъ національныхъ курій, устраиваемыхъ по усмотрѣнію губернаторовъ. Въ городахъ спеціально для октябристовъ была образована первая курія. Единственное принципіальное улучшеніе, допущенное актомъ 3 іюня, состояло въ установленіи въ пяти крупнѣйшихъ городахъ прямыхъ выборовъ. Обезпечивъ искусственными мѣрами явное преобладаніе въ Гос. Думѣ депутатовъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, составители акта 3 іюня, видимо, рѣшились вторыя куріи крупнѣйшихъ пяти городовъ отдать демократіи. Да и тутъ, весьма возможно, П. А. Столыпинъ надѣялся, что крайніе лѣвые помогутъ ему совершенно избавиться отъ кадетъ.

Послѣ роспуска второй Гос. Думы предсѣдатель союза русскаго народа д-ръ А. И. Дубровинъ удостоился получить на свою всеподданѣйшую телеграмму телеграфный отвѣтъ, въ которомъ было сказано: „Увѣренъ, что теперь всѣ истинно-вѣрные и русскіе беззавѣтно любящіе свое отечество сыны сплотятся еще тѣснѣе и, постоянно умножая свои ряды, помогутъ Мнѣ достичь мирнаго обновленія нашей святой и великой Россіи и усовершенствованія быта великаго ея народа. Да будетъ же Мнѣ союзъ русскаго народа надежной опорой, служа для всѣхъ и во всемъ примѣромъ законности и порядка“.

Собравшійся въ Москвѣ такъ называемый земскій съѣздъ, или точнѣе, съѣздъ правыхъ земцевъ-дворянъ, нашелъ программу кабинета П. А. Столыпина, выработанные имъ проекты земской и

административной реформъ чрезвычайно опасными и вредными. Такимъ образомъ П. А. Столыпинъ, постепенно, въ сущности, выполнившій всѣ четыре требованія, поставленныя ему совѣтомъ объединеннаго дворянства еще передъ роспускомъ первой Думы, все же увидѣлъ, что опираться на эту организацію ему нельзя. Единственной опорой оставались октябристы, вождь которыхъ А. И. Гучковъ отъ имени партіи поспѣшилъ признать актъ 3 іюня „прискорбной необходимостью". Но октябристовъ, какъ не безъ ехидства говорилъ Пуришкевичъ, „въ природѣ не существовало". Приходилось ихъ создавать. Въ преслѣдованіи кадетъ, которымъ было окончательно отказано въ легализаціи, и въ искусственномъ созданіи октябристовъ и прошли пять мѣсяцевъ второго междудумья.

Отношенія съ союзомъ русскаго народа у П. А. Столыпина начали портиться еще въ концѣ 1906 и въ началѣ 1907 годовъ. Убійство Герценштейна и Іоллоса, покушеніе на Витте, рядъ задуманныхъ покушеній на видныхъ оппозиціонныхъ лидеровъ, постоянныя безчинства въ Одессѣ и, Кіевѣ и другихъ центрахъ союзническаго засилья -всѣ эти факты, вызывавшіе много шума и въ Россіи и за-границей, дѣлали открытую дружбу съ союзомъ р. н. неудобной для правительства. Въ выпущенной въ 1910 г. союзомъ р. н. книгѣ „Куда временщики ведутъ союзъ русскаго народа", направленной противъ П. А. Столыпина, объ этихъ отношеніяхъ говорится слѣдующее: „Начало дѣятельности союза было съ благодарностью встрѣчено честолюбцами,

изнывавшими подъ ударами Аладьиныхъ, руководимыхъ Милюковыми. Союзъ разогналъ соціалъ-революціонный сбродъ и принялся за руководителей ихъ—кадетъ, не различая, однако, отъ нихъ даже и сановныхъ честолюбцевъ. (Явный намекъ на убійства Герценштейна и Іоллосса, покушенія на Витте, Милюкова А. И.). Послѣднее обстоятельство поселило противъ союза раздраженіе, но для борьбы съ кадетами союзъ былъ еще нуженъ и, скрѣпя сердце, сношенія съ нимъ честолюбцы поддерживали. Начало 1907 г. вслѣдствіе начавшагося заигрыванія съ кадетами поселило уже сильное охлажденіе такъ какъ союзъ не хотѣлъ умѣрить свой натискъ на кадетъ. Ко времени разгона второй Думы его уже съ трудомъ, но все-таки еще терпѣли. По объявленіи реформы 3 іюня 1907 г. къ удивленію своему союзъ узналъ, что бюрократы-честолюбцы далеко не желаютъ возвращенія къ прежнему государственному строю" (стр. 103). Вотъ тогда-то, по мнѣнію союза, Восторгову, Пуришкевичу и др. былъ данъ приказъ низложить Дубровина и преобразовать союзъ въ болѣе культурное учрежденіе. Но когда Восторгову миссія эта не удалась, „данъ былъ толчекъ къ удаленію Дубровина при помощи дѣла Герценштейна" (стр. 105). Восторговъ же получилъ другую миссію. Онъ сдѣланъ былъ выборнымъ агитаторомъ и съ набитыми карманами посланъ въ восточную Россію убѣждать союзниковъ подавать на выборахъ въ третью Думу голоса за октябристовъ.

Такъ началась кампанія сановныхъ интригановъ

противъ П. А. Столыпина, который все же не рѣшался „возвратиться къ прежнему государственному строю“ и продолжалъ утверждать, что „о возстановленіи абсолютизма не можетъ быть и рѣчи“ (слова, сказанныя имъ П. Б. Струве, см. „Русск. Мысль“ 1911 г. № 10). Союзъ русскаго народа въ рукахъ этихъ серьезныхъ реакціонеровъ былъ только орудіемъ, которое П. А. Столыпинъ хотѣлъ у нихъ выбить сначала при помощи Восторгова, Пуришкевича и другихъ, а затѣмъ при содѣйствіи Маркова 2-го и „обновленнаго совѣта“. Во время третьей Думы эти главные реакціонеры, которымъ П. А. Столыпинъ, во-первыхъ, загораживалъ дорогу, во-вторыхъ, несмотря на всѣ свои уступки, все же казался „конституціоналистомъ“, нашли въ Государственномъ Совѣтѣ болѣе тонкое орудіе борьбы, чѣмъ дубровинская разлѣзшаяся организація.

О реформаторской дѣятельности, подобной той, которую П. А. Столыпинъ на основаніи ст. 87 Осн. Зак. развилъ во время перваго междудумья, во время второго междудумья не поднималось и рѣчи. За это время изданы были лишь законъ объ ускореніи процесса въ военно-окружныхъ судахъ, (чѣмъ предполагалось до нѣкоторой степени возмѣстить отмѣну военно-полевыхъ судовъ), и правила 11 іюня о студенческихъ собраніяхъ. Тогда правила эти признавались шагомъ назадъ, и нужно было пережить времена Шварца и Кассо для того, чтобы академическая среда оцѣнила и положительныя стороны правилъ, составленныхъ Кауфманомъ и Герасимовымъ, принесенными вскорѣ въ жертву усиливавшейся реакціи.

ГЛАВА V.

Третья Дума

Послѣ ожесточенной избирательной кампаніи П. А. Столыпинъ получилъ, наконецъ, „свою“, третью Думу. Преслѣдованія кадетъ дали результаты. Цѣлесообразными оказались и огромныя субсидіи, выданныя Восторгову и Пуришкевичу съ цѣлью побудить правыя организаціи голосовать за октябристовъ. Непримиримой осталась только небольшая кучка дубровинцевъ, значительно уже дискредитированная процессомъ объ убійствѣ Герценштейна. Руководящей партіей въ Думѣ явились октябристы. Ихъ вождь А. И. Гучковъ сталъ самымъ вліятельнымъ изъ общественныхъ дѣятелей. Вмѣстѣ съ П. А. Столыпинымъ А. И. Гучковъ принялся за „обновленіе“ Россіи. А. И. Гучковъ явно стремился къ союзу съ правыми, но прежде всего ему надо было продемонстрировать передъ страной новый строй. Это и было сдѣлано во время преній объ отвѣтѣ на тронную рѣчь, когда октябристы, найдя на этотъ разъ поддержку у кадетъ, исключили изъ текста слово „самодержавный“, желая подчеркнуть конституціонный характеръ своего адреса. Попытка эта едва не кончилась катастрофой. Правые взбунтовались, подали свой отдѣльный адресъ, добились аудіенціи. Придворные сановники, интриговавшіе и безъ того противъ П. А. Столыпина, винили его въ „дерзости“ Думы. Вотъ что писалъ д-ръ А. И. Дубровинъ въ книгѣ, которую мы уже цитировали, объ этомъ мо-

ментѣ: „На выборахъ прошли октябристы, которые, переусердствовавъ, сразу же и выдали честолюбцевъ, 13 ноября 1907 г., когда объявили въ Государственной Думѣ Государя лишеннымъ самодержавной власти. На другой день А. И. Дубровинъ получилъ горькій упрекъ въ неумѣніи союза русскаго народа отстоять самодержавіе, и это вызвало съ его стороны помѣщеніе громовой передовой статьи о руководствѣ въ подборѣ въ Гос. Думу враговъ самодержавія сановными честолюбцами, стремящимися учредить олигархію и съ этой цѣлью проводящими октябристовъ путемъ давленія на чиновниковъ, обмана и подкуповъ. Статья попала не въ бровь, а прямо въ глазъ, и потому-то она была оштрафована на 3000 руб.“ (стр. 106 - 107).

Эта исторія побудила П. А. Столыпина поспѣшить съ декларацiей. Въ рѣчи, дополнявшей ее, онъ съ большимъ эмфазомъ говорилъ объ исторической самодержавной власти и развивалъ своеобрзэную теорію перманентнаго государственнаго переворота. Рѣчь эта должна была выбить изъ рукъ его правыхъ враговъ ихъ отравленное оружіе. Обычный методъ П. А. Столыпина браться самому за то, что обѣщаютъ сдѣлать его правые противники, былъ примѣненъ и здѣсь—и не безъ успѣха.

16 ноября 1907 г. П. А. Столыпинъ выступилъ съ декларацiей передъ третьей, благонамѣренной Думой. Какъ поучительно сравнить эту декларацію съ той, которая была прочитана всего восемью мѣсяцами раньше, 6 марта того же года, передъ второй Думой съ соціалистическимъ большинствомъ!

Какая огромная разница и въ тонѣ и въ содержаніи! Второй, „революціонной" Думѣ говорили о „совмѣстной дѣятельности" *правительства съ народнымъ представительствомъ*, третьей, октябристской Думѣ говорятъ уже „о совмѣстной работѣ *вашей* съ правительствомъ". Въ первой деклараціи была высказана „твердость", во второй—къ „твердости" присоединились и угрозы по адресу чиновниковъ, педагоговъ и судей. Послѣднимъ прямо было указано на возможность отмѣны судейской несмѣняемости. И въ этой деклараціи перечислялось много реформъ, но всѣ онѣ были заключены въ очень оригинальную рамку. Правительство, по словамъ деклараціи, не отказывается отъ „расширенія и переустройства мѣстнаго самоуправленія, реформы мѣстнаго управленія, развитія просвѣщенія", отъ установленія неприкосновенности личности и т. д., но оно ставитъ проведеніе всѣхъ этихъ реформъ въ зависимость отъ того, приметъ или отвергнетъ Г. Дума правительственные земельные законы, изданные на основаніи ст. 87. Правительство согласно допустить въ эти законы „усовершенствованія, быть можетъ, поправки", но „въ конечномъ результатѣ твердо надѣется на приданіе имъ упроченной силы путемъ законодательнаго утвержденія". Если Государственная Дума исполнитъ волю правительства, тогда декларація согласна предоставить народному представительству „строить необходимыя для страны преобразованія". Вотъ эта своеобразная черта и является совершенно новой во второй деклараціи. Передъ ней блѣднѣютъ всѣ остальныя многочисленныя различія.

Само собою разумѣется, что во второй декларацiи нѣтъ ни признанiя „естественности рабочаго движенiя“, ни словъ о профессiональныхъ союзахъ, ненаказуемости экономическихъ стачекъ, объ ограниченiи труда подростковъ, женщинъ и взрослыхъ рабочихъ. Во второй декларацiи не говорится уже и о „школьной реформѣ на всѣхъ ступеняхъ образованiя на началахъ непрерывной связи низшей, средней и высшей школы“. Опредѣленныя заявленiя первой декларацiи, что самоуправленiе на общихъ основанiяхъ предполагается ввести въ Прибалтiйскомъ и Западномъ краяхъ и въ Царствѣ Польскомъ смѣнились туманными обѣщанiями внести „проекты самоуправленiя на нѣкоторыхъ окраинахъ“.

Во второй декларацiи нѣтъ ни слова ни о „манифестѣ 17 октября“, ни о „происшедшемъ въ октябрѣ 1905 г. коренномъ измѣненiи нашего государственнаго устройства“. Въ обширной декларацiи передъ второй Думой ни разу не упоминалось слово „самодержавiе“, въ декларацiи 16 ноября весь конецъ, равно какъ и вся послѣдующая рѣчь, посвящены апологiи самодержавной власти, которая одна „призвана въ минуты потрясенiй и опасности для государства къ спасенiю Россiи на путь порядка и исторической правды“. Въ своей рѣчи, опредѣливъ существующiй въ Россiи государственный строй, какъ „строй представительный, дарованный самодержавнымъ монархомъ и, слѣдовательно, обязательный для всѣхъ его вѣрноподданныхъ“, П. А. Столыпинъ, прямо указавъ на „актъ 3 iюня“, воскликнулъ: „Не мнѣ, конечно, защищать право

Государя спасать въ минуту опасности ввѣренную ему Богомъ державу".

Несмотря на видимую категоричность всѣхъ этихъ положеній, они не разъяснили ни одной неясности. Гдѣ предѣлы „спасанія"? Если можно „спасать" страну измѣненіемъ избирательнаго закона, почему нельзя „спасать" ее напр., утвержденіемъ закона, принятаго Гос. Совѣтомъ, но отвергнутаго Г. Думой, что также рѣзко противорѣчитъ Основнымъ Законамъ? Всякій абсолютизмъ склоненъ видѣть въ противорѣчіи его планамъ опасность, грозящую гибелью странѣ (вскорѣ П. А. Столыпинъ увидѣлъ такую опасность въ отверженіи закона о западномъ земствѣ), склоненъ считать, что въ проведеніи его именно плановъ и заключается „спасаніе" страны. При такихъ условіяхъ исчезаетъ всякая основа твердаго порядка, колеблется почва подъ закономѣрностью строя. Сегодня существуютъ такіе-то законы, завтра они отмѣняются въ экстра-ординарномъ порядкѣ или вводятся новые, въ виду того, что это требовалось „спасаніемъ" страны.

П. А. Столыпинъ развилъ теорію абсолютизма, соглашающагося терпѣть около себя представительныя учрежденія, если они готовы во всемъ подчиняться ему. Съ этой точки зрѣнія становится понятной и та новая черта, которая появилась въ деклараціи, прочитанной 16 ноября. Третья Дума призвана одобрить земельныя мѣропріятія правительства. Когда она это сдѣлаетъ, ей будетъ дана возможность одобрить предположенія правительства о мѣстной реформѣ. Одинъ изъ правыхъ депута-

товъ „простецовъ“, вѣчно веселый, хотя и малограмотный Сушковъ въ засѣдавіи 13 ноября, еще до Столыпина, развилъ по-простецки эту мысль, изложенную предсѣдателемъ совѣта министровъ въ ученой и поэтической формѣ („русскій цвѣтокъ“). „Толкуемъ безплодно—заявилъ г. Сушковъ. - Говорятъ, въ Высочайшемъ повелѣніи 17 октября сказано, что ни одинъ законъ не имѣетъ силы безъ одобренія. Да одобряйте. Вѣдь, тамъ не сказано утверждайте, а только одобряйге. Ну, и одобряйте!“ (Бурныя рукоплесканія правыхъ. Смѣхъ въ центрѣ и налѣво). Съ тѣхъ же самыхъ скамей „бурно рукоплескали“ и П. А. Столыпину. Только часть центра, не удостоившая аплодисментами веселаго курскаго ремесленника, не сочла возможнымъ отказать въ нихъ премьеру.

Отходомъ, полнымъ отходомъ П. А. Столыпина съ „конституціонной позиціи“ были улажены возникшія тренія. Октябристы получили приказъ не касаться болѣе „общихъ“ вопросовъ, а перейти къ „дѣловымъ“ темамь. Рѣчь Родичева и вызванный его словами о „столыпинскомъ галстухѣ“ грандіозный скандалъ снова сплотили право - октябристскій блокъ и придали нѣкоторый ореолъ поведенію П. А. Столыпина, котораго привѣтствовала часть оппозиціи и который добился извиненія со стороны Родичева. Тѣмъ временемъ предприняты были шаги для того, чтобы окончательно расколоть компактную группу правыхъ депугатовь, которая могла стать опасной. Задачу эту удовлетворительно выполнили г.г. Крупенскій и В. А. Бобринскій,

ставшіе съ тѣхъ поръ „политическими наперсниками“ покойнаго премьера. Образовалась довольно сильная группа „умѣренно-правыхъ“, изъ которыхъ впослѣдствіи развились „націоналисты“. Группа эта признавала „законодательныя представительныя учрежденія“ и, являясь союзницей октябристовъ, давала надежду на образованіе болѣе или менѣе прочнаго право - октябристскаго центра. Кадетоѣдство было признано наилучшимъ цементомъ для этого большинства и потому, какъ только показывалась въ немъ какая-либо трещина, немедленно ставился на очередь какой-нибудь демонстративный вопросъ о борьбѣ съ революціей, инородцами, кадетами, и чувство общей ненависти помогало заштопать образовавшуюся прорѣху.

Во время этихъ политическихъ комбинацій П. А. Столыпинъ подготовлялъ и въ Г. Думѣ и въ Гос. Совѣтѣ большинство для проведенія своей аграрной реформы. Первые два-три года третьей Думы, главнымъ образомъ, и окрашивались этой реформой, вызвавшей страстные нападки какъ справа, такъ и слѣва. Для насъ несомнѣнно, что изъ всѣхъ столыпинскихъ дѣлъ проведенная имъ земельная реформа -самое важное и самое значительное. Земельная реформа 9 ноября есть, въ сущности, соціальная революція. Эта реформа - тотъ итогъ, который жизнь подвела русской революціи въ ея самой острой соціальной формѣ крестьянскаго движенія.

Какъ мы видѣли раньше, требованіе о введеніи въ деревнѣ частной собственности на землю предъ-

явлено было П. А. Столыпину объединеннымъ дворянствомъ. Одинъ изъ вождей этой организаціи курскій помѣщикъ Доррeръ въ разгаръ аграрнаго движенія первый подалъ мысль о вооруженіи въ деревняхъ богатыхъ мужиковъ для совмѣстныхъ выступленій съ помѣщиками противъ бѣдныхъ погромщиковъ. Не вездѣ эта мысль получила примѣненіе на практикѣ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ богатые мужики, наоборотъ, сочувствовали разгрому помѣщичьихъ имѣній, что облегчало имъ ихъ скупку. Но мысль была подхвачена, и одинъ изъ ставленниковъ объединеннаго дворянства г. Гурко принялся за разработку закона о разрушеніи общины. Этотъ законопроектъ и легъ въ основу указа 9 ноября, проведеннаго П. А. Столыпинымъ.

Соблазнительна поэтому мысль легко покончить съ аграрной программой П. А. Столыпина: какъ во всѣхъ пунктахъ онъ постепенно выполнилъ программу совѣта объединеннаго дворянства, предъявленную ему передъ роспускомъ первой Думы, такъ дѣйствовалъ онъ, де, и тутъ. Но такое рѣшеніе было бы и субъективно и объективно невѣрнымъ. Субъективно—потому, что еще задолго до революціи, тогда, когда община пользовалась полнымъ довѣріемъ правящихъ сферъ, когда издавались указы, ее закрѣплявшіе, П. А. Столыпинъ былъ уже противникомъ общиннаго владѣнія и сторонникомъ хуторского разселенія. Знакомство съ польскимъ землевладѣніемъ въ Западномъ краѣ могло, конечно, только укрѣпить его въ мысли о преимуществахъ единоличнаго сплошного владѣнія

надъ общиннымъ и черезполоснымъ. Идея эта къ тому же являлась какъ бы родовымъ наслѣдіемъ Столыпиныхъ, одинъ изъ которыхъ, дядя покойнаго премьера, позитивистъ Д. А. Столыпинъ былъ фанатикомъ идеи разрушенія общины, въ чемъ онъ видѣлъ условіе спасенія Россіи отъ грозящей ей гибели. Какъ мы могли видѣть по трудамъ гродненскаго комитета о нуждахъ сельскаго хозяйства, уже предсѣдательствуя въ немъ, П. А. Столыпинъ держался тѣхъ же взглядовъ, которые положены были имъ пять лѣтъ спустя въ основу указа 9 ноября.

Но и объективно, въ указѣ 9 ноября нельзя видѣть просто исполненія требованій реакціоннаго дворянства. Да, часть дворянства требовала изъ своекорыстныхъ и классовыхъ побужденій скорѣйшаго разрушенія общины. Но большинство реакціонеровъ, и притомъ наиболѣе умные и пропроницательные, высказывались и высказываются противъ этой реформы, такъ какъ смутно чувствуютъ и чувствовали, что, спасая принципъ личной земельной собственности, реформа эта наноситъ тяжкій ударъ сословному дворянскому землевладѣнію, не говоря уже о неизбѣжно вытекающей изъ нея отмѣнѣ сословныхъ политическихъ привиллегій дворянства. Крайніе правые, видящіе въ проведенной П. А. Столыпинымъ земельной реформѣ коренной переворотъ, вынимающій фундаментъ изъ-подъ древняго россійскаго политическаго строя, конечно, ближе къ истинѣ, чѣмъ дворяне, требовавшіе этой реформы въ надеждѣ, что мечъ, бро-

щенный въ ряды крестьянства, охранитъ ихъ отъ погромовъ. Нельзя же забывать, что до 1906 года свободы выхода изъ общины съ землей требовали сельско-хозяйственные комитеты, и притомъ наиболѣе прогрессивные изъ нихъ. Тогда связь между общиннымъ землевладѣніемъ и архаическими формами нашего государственнаго строя сознавалась вполнѣ отчетливо. Это сознаніе замутилось подъ вліяніемъ сильнаго аграрнаго движенія.

Но именно въ области аграрнаго законодательства и сказалась сильнѣе всего та двойственность, которая проникаетъ всю политику П. А. Столыпина. Въ области земельнаго законодательства П. А. Столыпинъ явился революціонеромъ, но онъ не могъ или не хотѣлъ сдѣлать всѣ тѣ выводы, къ которымъ въ политической области обязывала его проводимая имъ земельная реформа.

Когда П. А. Столыпинъ говорилъ въ Думѣ, что „для переустройства нашего царства нуженъ крѣпкій личный собственникъ", онъ, по моему мнѣнію, высказывалъ правильную государственную мысль. Государство должно имѣть прочный соціальный фундаментъ. Послѣ отмѣны крѣпостного права тѣсно связанное съ нимъ крупное дворянское землевладѣніе утратило значеніе такого базиса. Крестьянское общинное землевладѣніе являлось одновременно и реакціоннымъ и анархическимъ элементомъ и, какъ окончательно доказало движеніе 1905 г., было неспособно къ настоящему прогрессу. Созданіе мелкаго личнаго собственника являлось основной государственной потребностью, и какая бы партія ни очутилась у

власти, она логикой вещей. быть можетъ, послѣ тяжелыхъ кровавыхъ испытаній, послѣ попытокъ осуществленія утопическихъ программъ, была бы все равно подведена къ этой исторической задачѣ. Но П. А. Столыпинъ обнаруживалъ или безсиліе или непониманіе, когда допускалъ, что крѣпкій личный собственникъ-крестьянинъ можетъ процвѣтать въ безправной и безсудной странѣ, въ которой господствуетъ не законъ, а произволъ. Вѣдь, личная собственность на землю — это въ полномъ смыслѣ слова „иноземный цвѣтокъ" и онъ можетъ правильно развиваться только при наличности другого иноземнаго же цвѣтка, который зовется законностью, правовымъ порядкомъ, конституціей -то-жъ. Но вынужденный обороняться отъ нападеній реакціонныхъ бюрократовъ, П. А. Столыпинъ публично отрекся отъ „конституціи" и этому „иноземному цвѣтку" предпочелъ какой-то свой, родной, сущности котораго не могъ точно опредѣлить, но который очень и очень походилъ на старинный произволъ. Къ несчастью, дѣло тутъ шло не только о словахъ и не только объ управленіи, въ которомъ, по общему признанію и правыхъ и лѣвыхъ, произволъ расцвѣлъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ, какъ никогда не бывало и при Плеве. Отступая со ступеньки на ступеньку, П. А. Столыпинъ долженъ былъ почувствовать власть реакціонныхъ силъ и надъ задуманными имъ проектами преобразованій. И онъ и министръ юстиціи должны были торжественно отречься отъ своихъ „смѣлыхъ замысловъ" дать народу настоящее правосудіе вмѣсто явно

отжившихъ и съ личной земельной собственностью очевидно несовмѣстимыхъ волостныхъ судовъ, не признающихъ закона. „Мы утверждаемъ -говорилъ Щегловитовъ,—что волостной судъ утратилъ право на дальнѣйшее существованіе, что оживить его никакими усовершенствованіями не удастся". „Останавливаться въ этомъ дѣлѣ на перепутьи - убѣждалъ онъ членовъ Г. Думы - нельзя", нельзя „сохранить въ томъ или въ другомъ видѣ устарѣлый волостной судъ - этотъ пережитокъ стараго дореформеннаго времени". А не прошло и года, какъ предсѣдатель совѣта министровъ вмѣстѣ съ министромъ юстиціи явились въ комиссію Гос. Совѣта и заявили, что они соглашаются на оставленіе волостного суда. Безчисленное множество засѣданій, потраченныхъ третьей Думой на обсужденіе проектовъ мѣстнаго суда, оказались пропавшими совсѣмъ даромъ. „Мелкій земельный собственникъ - говорилъ П. А. Столыпинъ - несомнѣнно, явится ядромъ будущей мелкой земской единицы". Но когда ему пришлось составлять реальный проектъ этой самой мелкой земской единицы, для него стало яснымъ, что „ядромъ" ея онъ долженъ сдѣлать крупнаго земельнаго собственника -дворянина, а то все равно никакой реформы ему не провести... Безъ твердаго писанаго закона, безъ суда, безъ мѣстнаго управленія, безъ честной полиціи, способной охранять личную и имущественную безопасность, безъ неприкосновенности личности, дающей стимулъ къ энергичной дѣятельности - какіе личные земельные собственники могутъ укорениться въ странѣ, ли-

шенной всѣхъ этихъ основныхъ гражданскихъ благъ!

Трудно думать, чтобы П. А. Столыпинъ не сознавалъ всѣхъ этихъ элементарныхъ условій государственнаго строительства. Но, быть можетъ, правы тѣ, которые утверждаютъ, что, сдавшись на словахъ, П. А. Столыпинъ на дѣлѣ все-таки стремился къ упроченію „конституціи" или, какъ онъ говорилъ, „представительнаго строя" и вмѣстѣ съ А. И. Гучковымъ искалъ той опоры, на которой можно было бы утвердить этотъ строй...

Обратимся къ фактамъ.

ГЛАВА VI.

Кризисы.

Октябристы видѣли причины „неудачи" двухъ первыхъ Думъ въ томъ, что руководящая въ нихъ кадетская партія была „не патріотичной" и „не національной". По ихъ теоріи народное представительство могло утвердиться въ Россіи только на основахъ „патріотизма" и „національизма". Это мнѣніе раздѣлялъ и П. А. Столыпинъ, если не онъ и внушилъ его октябристамъ. Программу своихъ дѣйствій А. И. Гучковъ построилъ на томъ, что Г. Дума заботами объ арміи и о національныхъ русскихъ интересахъ должна укрѣпить себя какъ наверху, среди правящихъ, такъ и въ населеніи и тѣмъ сдѣлать себя необходимой. Въ настоящее время нѣтъ еще, конечно, прямыхъ доказательствъ,

но несомнѣнно, что сговоръ между П. А. Столыпинымъ и А. И. Гучковымъ покоился на этихъ основаніяхъ.

Тактическій планъ А. И. Гучкова былъ не лишенъ ловкости, а въ проведеніи его онъ выказалъ много ума, настойчивости и мужества. Если тѣмъ не менѣе планъ этотъ потерпѣлъ полное пораженіе, если П. А. Столыпинъ, видя, какъ октябристъ старой гучковской марки, тянутъ его на дно, поспѣшилъ отдѣлаться отъ опасныхъ союзниковъ и создать „націоналистовъ", то объясняется это исключительно ошибочностью всѣхъ этихъ „тактическихъ" соображеній, тщетностью всякихъ вообще надеждъ помочь „тактикой" и „дипломатіей" тамъ, гдѣ борются подлинныя соціальныя силы. Дѣло въ томъ, что противники П. А. Столыпина сразу разгадали планъ А. И. Гучкова и средствомъ для борьбы съ своей стороны выбрали защиту прерогативъ Монарха отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ покушеній. Самъ П. А. Столыпинъ поддерживалъ на первыхъ порахъ тактику Гучкова не изъ-за теоретическаго сочувствія народному представительству или, по крайней мѣрѣ, не изъ-за одного этого сочувствія. Планъ А. И. Гучкова несъ вмѣстѣ съ тѣмъ П. А. Столыпину замѣтное усиленіе его власти. Военно-морское дѣло въ значительной степени уходило изъ-подъ всякаго вліянія предсѣдателя совѣта министровъ. Существовавшій еще въ то время совѣтъ государственной обороны, состоявшій подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Николая Николаевича, почти совершенно заслонялъ

совѣтъ министровъ. Отдѣльныя войсковыя части, находившіяся въ завѣдываніи Великихъ Князей, тоже представлялись экстерриторіальными областями. Великое княжество Финляндское стояло почти совершенно особнякомъ, и П. А. Столыпинъ на теченіе дѣлъ въ Финляндіи могъ оказывать только косвенное, сравнительно небольшое, вліяніе. Намѣстничество Кавказское сохраняло извѣстную самостоятельность. Конституціонно-націоналистическая Дума обѣщала распространить вліяніе П. А. Столыпина на всѣ эти части имперіи и части управленія.

Патріотическій натискъ А. И. Гучкова на непорядки въ военно-морской области, его смѣлая знаменитая рѣчь съ поименнымъ перечисленіемъ „безотвѣтственныхъ лицъ", стоящихъ во главѣ отдѣльныхъ отраслей военнаго и морского управленія, въ свое время произвели большое впечатлѣніе. Выступленія А. И. Гучкова совпали съ упраздненіемъ совѣта государственной обороны. П. А. Столыпинъ, конечно, отдѣлялъ себя отъ кампаніи А. И. Гучкова. Онъ, напр., какъ будто горячо настаивалъ на предоставленіи 11-милліоннаго кредита на морское судостроеніе, отклоненія котораго, до „реорганизаціи морского вѣдомства", требовали октябристы и ихъ союзники справа. Но выступленія П. А. Столыпина были очень мягки. „Правительство — говорилъ онъ — послѣ катастрофы находится въ нѣсколько иномъ положеніи, чѣмъ общество и общественное представительство. Оно не можетъ *всецѣло* поддаться чувству возмущенія, оно не можетъ исключительно искать виновныхъ, не мо-

жетъ исключительно сражаться съ тѣми фантомами, о которыхъ говорилъ предыдущій ораторъ." Но въ то же время Столыпинъ признавалъ, что онъ „чувствуетъ себя въ положеніи защитника лица, уже впередъ приговореннаго", успокоивалъ Думу и ея комиссію, что „рѣшеніе ваше свободно" (т. е. роспускъ не грозитъ, не то, что при обсужденіи земельныхъ законовъ), онъ говорилъ Думѣ, что „при наличности Государственной Думы невозможны уже тѣ злоупотребленія, которыя были раньше". Если прибавить къ этому, что оффиціозная и зависимая отъ правительства печать поддерживала А. И. Гучкова, то станетъ понятнымъ, почему противники П. А. Столыпина въ высшихъ сферахъ распространяли слухи, что онъ, несмотря на видимое разногласіе съ Гучковымъ, дѣйствуетъ на самомъ дѣлѣ съ нимъ заодно.

Въ то время реакціонные сановники уже поняли, что союзъ русскаго народа не можетъ имъ служить надежной опорой ни въ борьбѣ съ настоящими конституціоналистами, ни въ борьбѣ съ пріобрѣтавшимъ большое вліяніе П. А. Столыпинымъ. Въ то время найдено было гораздо болѣе могущественное орудіе борьбы -въ лицѣ Государственнаго Совѣта съ его прочной правой группой, руководимой П. Н. Дурново. Сторонники П. А. Столыпина утверждали, что за кулисами правая группа инспирировалась С. Ю. Витте. Доказательствъ этому, однако, представлено не было, если не считать доказательствомъ, что выступленія гр. Витте противъ П. А. Столыпина, дѣйствительно, нерѣдко обнажали

тѣ слабыя мѣста, въ которыя и били затѣмъ противники премьера.

Уже въ началѣ дѣятельности третьей Думы правые въ Г. Совѣтѣ собирались дать министерству П. А. Столыпина бой на мелкомъ законопроектѣ о преобразованіи Императорской Россійской миссіи въ Токіо въ посольство, находя, что внесеніе этого проекта въ Г. Думу нарушаетъ прерогативы. Но намѣреніе это было оставлено, вѣроятно, въ виду опасеній, какъ бы кризисъ на вопросѣ, связанномъ съ внѣшней политикой, не былъ признанъ неудобнымъ. Рѣшено было сосредоточить всю энергію на вопросахъ государственной обороны. Изъ внесенной въ Государственную Думу „вермишели" выбранъ былъ небольшой законопроектъ о штатахъ морского генеральнаго штаба, вокругъ котораго и началась какая-то возня, сначала малопонятная для широкой публики. Министерство беретъ сначала законопроектъ о штатахъ обратно, затѣмъ вноситъ его снова. Гос. Дума принимаетъ штаты, въ Г. Совѣтѣ они натыкаются на самое серьезное противодѣйствіе. Шванебахъ, удаленный П. А. Столыпинымъ изъ своего министерства, Витте, Дурново доказываютъ, что этотъ законопроектъ не долженъ проходить черезъ законодательныя учрежденія, что внесеніемъ его министерство нарушило прерогативы короны въ такой области, какъ устройство военныхъ силъ, предоставленной исключительно вѣдѣнію Государя. Министерство все-таки продолжаетъ отстаивать свою точку зрѣнія. Министры являются въ засѣданія Г. Совѣта, подаютъ

свои голоса и добиваются того, что Г. Совѣтъ, несмотря на сильную оппозицію, принимаетъ законопроектъ. Но торжество П. А. Столыпина и октябристовъ было непрочно. Утвержденіе законопроекта о штатахъ затормозилось. Все опредѣленнѣе стали слухи, что утвержденія и не воспослѣдуетъ. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что законопроектъ не утвержденъ, и министерство переживаетъ кризисъ. Для октябристовъ начались дни, полные тревогъ. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Пет. Газ." А. И. Гучковъ сдѣлалъ слѣдующее очень серьезное заявленіе: „Еще полтора года назадъ я говорилъ, что конституціи грозитъ опасность вовсе не отъ правительства, какъ объ этомъ кричали лѣвые, а со стороны тѣхъ группъ правыхъ, которые объединились въ борьбѣ за свое существованіе. Такихъ группъ я насчитываю три: во-первыхъ, придворная камарилья, которая обречена на полное ничего-недѣланіе при новомъ режимѣ, во-вторыхъ, отставные бюрократы, оставшіеся не у дѣлъ съ водвореніемъ новаго строя и образовавшіе правое крыло Гос. Совѣта, это средоточіе реакціи, и, въ третьихъ, реакціонно настроенная часть дворянства, объединившаяся на съѣздахъ". Тогда же А. И. Гучковъ указалъ, что у П. А. Столыпина народился новый врагъ: всѣ прямо или косвенно затронутые сенаторскими ревизіями, изобличенные въ хищничествѣ: „когда начался грозный циклъ сенаторскихъ ревизій, всколыхнулось все темное царство взяточниковъ, казнокрадовъ".

Со дня на день ждали отставки П. А. Столы-

пина. Но кризисъ разрѣшился гораздо проще. П. А. Столыпинъ отступилъ со всѣхъ позицій. Онъ не только примирился съ фактомъ неутвержденія законопроекта о штатахъ, но и принялъ порученіе выработать правила о томъ, какія изъ законодательныхъ дѣлъ по военному и морскому вѣдомствамъ подлежатъ непосредственному разрѣшенію Государя въ порядкѣ ст. 96 Осн. Зак. и какія должны восходить на утвержденіе Государя въ общемъ законодательномъ порядкѣ. Когда были опубликованы составленные 24 августа 1909 г. правила, разъясняющія ст. 96, то выяснилось, что отъ полномочій законодательныхъ учрежденій въ области государственной обороны оторванъ огромный кусокъ. Та самая почва, стоя на которой октябристы при содѣйствіи П. А. Столыпина, собирались проявить свои заботы объ арміи и флотѣ и тѣмъ укрѣпить новый строй, оказалась ускользнувшей у нихъ изъ-подъ ногъ.

П. А. Столыпинъ остался у власти, но его ближайшіе помощники были разбиты на голову. Да и самъ онъ не чувствовалъ себя побѣдителемъ. По утвержденію сотрудника „Нов. Вр.“ А. А. Пиленко, П. А. Столыпинъ говорилъ одному изъ иностранныхъ пословъ: „мой авторитетъ подорванъ; меня подержатъ, сколько будетъ надобно для того, чтобы использовать мои силы; а затѣмъ меня выбросятъ за бортъ“. („Моск. Еженедѣльникъ“ отъ 20 марта 1910 г.).

Въ защиту Основныхъ Законовъ отъ „разъясненій“ П. А. Столыпина выступили соціалъ-демократы,

внесшіе въ Г. Думу запросъ о незакономѣрности правилъ 24 августа 1909 г. Октябристы, чтобы какъ-нибудь спасти свое положеніе,начали прятаться за формальныя соображенія такого рода, что правила 24 августа не есть еще законъ, а только инструкція для министровъ и, какъ таковая, не можетъ быть предметомъ запроса, а если на основаніи ея министры допустятъ какія-либо незакономѣрныя дѣйствія, то тогда о нихъ и будетъ рѣчь и т. д... Это былъ явный софизмъ, прикрывавшій пораженіе. Октябристы хорошо понимали всю серьезность положенія. Это видно изъ того, что они рѣшились на крайній ходъ. А. И. Гучковъ занялъ 12 марта 1910 г. предсѣдательское мѣсто, разсчитывая использовать свое право непосредственнаго доклада. Въ своей вступительной рѣчи онъ произнесъ знаменитыя слова, что Думѣ придется „считаться, а можетъ быть, и сосчитаться съ внѣшними препятствіями, тормозящими нашу работу, искажающими ея конечный результатъ". Намекъ на Государственный Совѣтъ былъ болѣе чѣмъ прозрачный...

П. А. Столыпинъ еще раньше, конечно, не могъ не обратить вниманія на неблагопріятный для него составъ Государственнаго Совѣта и искалъ средствъ исправить положеніе. Его ближайшими совѣтниками въ этомъ дѣлѣ явились тов. мин. вн. дѣлъ С. Е. Крыжановскій и новый членъ Гос. Совѣта Пихно. Отсюда и возникъ „націонализмъ".

Націоналистическія тенденціи, конечно, не новость въ нашей исторіи, а въ правящихъ сферахъ

онѣ являются какъ бы узаконенной традиціей. Со временъ Каткова бюрократическая реакція тѣсно связала себя съ полонофобствомъ, а со временъ Игнатьева и Плеве—съ юдофобствомъ и борьбой съ Финляндіей и армянами. Самъ П. А. Столыпинъ, по своей прежней служебной дѣятельности въ ковенской и гродненской губерніяхъ, былъ хорошо знакомъ съ основами нашего бюрократическаго націонализма. Онъ уважалъ поляковъ, но боялся ихъ, такъ какъ видѣлъ огромное превосходство помѣщика польскаго надъ помѣщикомъ русскимъ. 1905 годъ внесъ въ сознаніе русскаго общества одну огромной важности идею: имперскую идею, въ силу которой всѣ населяющіе Россію народы были признаны принципіально равноцѣнными гражданами единой имперіи. Даже положеніе о законосовѣщательной Думѣ 6 августа, такъ называемой булыгинской Думѣ, призывало къ участію въ выборахъ въ Гос. Думу на равныхъ основаніяхъ всѣ народы, населяющіе Россійскую Имперію, кромѣ „бродячихъ инородцевъ"... Избирательный законъ, изданный при Витте 11 декабря 1905 г., опирался на этотъ же принципъ. При роспускѣ первой Думы П. А. Столыпинъ не рѣшился посягнуть на этотъ краеугольный камень обновленнаго строя, но онъ сдѣлалъ это при роспускѣ второй Думы, когда изданіемъ новаго выборнаго закона были нарушены Основные Законы. Въ манифестѣ 3 іюня говорилось: „Созданная для укрѣпленія Государства Россійскаго Государственная Дума должна быть русской и по духу. Иныя народности должны

имѣть въ Государственной Думѣ представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто русскихъ".

Согласно этимъ указаніямъ, новымъ избирательнымъ закономъ было значительно сокращено число представителей отъ польскихъ и кавказкихъ губерній, лишено избирательнаго права населеніе цѣлаго ряда средне-азіатскихъ губерній, введены куріи по національностямъ и т. д. „Иныя народности" не были исключены изъ обще-имперскаго представительства, но онѣ были сведены на роль гражданъ второго и третьяго разряда сравнительно съ русскими (къ которымъ въ разныхъ мѣстностяхъ, смотря по обстоятельствамъ, присоединялись и нѣкоторые инородцы). Но поставленная цѣль, чтобы „иныя народности" не являлись въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто русскихъ, достигнута не была, да и не могла быть достигнута. Роль, которую играютъ отдѣльные инородческіе голоса зависитъ, вѣдь, отъ того, какъ по данному вопросу раскалываются голоса господствующей народности. Если они расколются на двѣ почти равныхъ половины, то даже два-три, не говоря уже о десяткѣ, польскихъ или мусульманскихъ голосовъ, могутъ и въ третьей Думѣ оказаться „вершителями". Такъ оно и бывало...

Націоналистическій принципъ, правда, довольно-таки въ хаотическомъ видѣ, но уже напоминающемъ австрійскую куріальную систему, былъ внесенъ П. А. Столыпинымъ еще 3 іюня 1907 г. въ

государственное представительство. Однако, въ это время націоналистскія идеи у П. А. Столыпина еще не оформились и не вылились въ опредѣленную систему. Онъ напр., еще не думалъ примѣнить національныя куріи для выборовъ въ западныя земства, и составленный имъ первоначальный проектъ не зналъ такихъ курій. Рѣшительный планъ покончить съ финляндской автономіей родился тоже позднѣе, подъ вліяніемъ опасеній, какъ бы эту идею не использовали „правые“.

Тутъ вмѣшался г. Пихно и группа кіевскихъ націоналистовъ. Они обратили вниманіе П. А. Столыпина на „засилье“ поляковъ въ Государственномъ Совѣтѣ и указали ему на то, что вмѣсто сомнительныхъ поляковъ онъ изъ западныхъ губерній можетъ получить нѣсколько преданныхъ правительству выборныхъ членомъ Гос. Совѣта изъ крупныхъ русскихъ землевладѣльцевъ П. А. Столыпинъ съ готовностью ухватился за эту идею. Былъ быстро выработанъ и внесенъ въ Г. Думу законопроектъ объ отсрочкѣ выборовъ и продленіи полномочій членовъ Государственнаго Совѣта отъ 9 сѣверо и юго-западныхъ губерній. За время этой отсрочки предполагалось провести законъ, измѣняющій выборы членовъ Гос. Совѣта отъ названныхъ губерній, чего требовали г. Пихно и его товарищи. Октябристы возстали противъ отсрочки выборовъ и доказывали, что наилучшимъ выходомъ было бы введеніе въ западныхъ губерніяхъ земства, которое бы и выбирало общимъ порядкомъ членовъ въ Гос. Совѣтъ. П. А. Столыпинъ призналъ

справедливость сдѣланныхъ ему возраженій, но указалъ, что придется долго ждать, „имѣя въ виду—какъ буквально выразился онъ—что реформу земскихъ учрежденій трудно разсчитывать провести черезъ законодательныя учрежденія въ ближайшемъ времени и что работа эта, казалось бы, *должна предшествовать* распространенію земскаго положенія на Западный край“. Октябристы предложили компромиссъ: выборы не отсрочивать, произвести ихъ въ срокъ, но полномочія членовъ Гос. Совѣта отъ западныхъ губерній сократить до одного года въ разсчетѣ, что правительство за это время проведетъ законъ о западномъ земствѣ. П. А. Столыпинъ этотъ компромиссъ принялъ и, вопреки своему недавнему убѣжденію, согласился ввести земство на окраинахъ раньше, чѣмъ оно будетъ реформировано во внутреннихъ губерніяхъ и въ такомъ, болѣе совершенномъ видѣ, распространено уже на неземскія губерніи. Такъ желаніе имѣть въ Государственномъ Совѣтѣ лишнюю группу сторонниковъ правительственной политики, перепутало всѣ правительственные планы и всю его реформаторскую работу, отвлекши отъ нуждъ внутренней русской жизни, направило на окраинные, національные вопросы...

Такъ началась эра „національзма“. Поляки, которые недавно своими голосами помогли П. А. Столыпину провести черезъ Гос. Совѣтъ земельную реформу, должны были на себѣ самихъ испытать первые плоды „національзма“. Имъ, впрочемъ, обѣщался нѣкоторый выкупъ въ видѣ введенія въ

польскихъ губерніяхъ городского самоуправленія съ ограниченіемъ въ немъ правъ евреевъ. Такимъ образомъ, одинъ „національизмъ“ влекъ за собой другой, и оттѣсненіе поляковъ въ западныхъ губерніяхъ въ рангъ гражданъ второго разряда предполагалось искупить тѣмъ, что въ самой Польшѣ ниже поляковъ будутъ помѣщены евреи, какъ граждане третьяго разряда.

Со свойственной ему пылкостью П. А. Столыпинъ увлекся идеей „національизма“ и сталъ переводить на него съ землеустройства „ось нашей внутренней политики“. Въ національныхъ куріяхъ онъ нашелъ какъ бы формулу рѣшенія всѣхъ вопросовъ. Куріи въ его глазахъ явились какимъ-то геніальнымъ изобрѣтеніемъ, откровеніемъ государственной мудрости. Надо всю Россію раздѣлить на національныя куріи во всѣхъ областяхъ жизни, надо вездѣ русскую національность отгородить высокимъ барьеромъ отъ инородцевъ—и тогда прочны будутъ и монархическіе политическіе устои и соціальные, которыми онъ, какъ человѣкъ опредѣленнаго класса, считалъ, конечно, крупныхъ землевладѣльцевъ. Впослѣдствіи, защищая передъ палатами свой образъ дѣйствій, П. А. Столыпинъ говорилъ объ этой своей идеѣ: „впервые въ русской исторіи на судъ народнаго представительства вынесенъ вопросъ такого глубокаго національнаго значенія... быть можетъ, съ политической точки зрѣнія не было еще на обсужденіи Гос. Думы законопроекта болѣе серьезнаго, чѣмъ вопросъ о западномъ земствѣ... не безъ трепета вносило пра-

вительство впервые этотъ законопроектъ... брошены были сѣмена новыхъ русскихъ политическихъ началъ... отчасти случайно, по ошибкѣ, отчасти нарочито эти новые побѣги, новые ростки начали небрежно затаптываться людьми, или ихъ не разглядѣвшими, или ихъ убоявшимися... въ основномъ вопросѣ русской жизни былъ сломленъ двигатель правительственной работы". Мы видѣли выше, какъ случайно и даже противъ воли П. А. Столыпина былъ въ дѣйствительности поставленъ на очередь вопросъ о западномъ земствѣ.

„Интрига", составъ которой довольно точно очерченъ А. И. Гучковымъ, не могла не обратить самаго усиленнаго вниманія на вопросъ о западномъ земствѣ, изъ котораго П. А. Столыпинъ пытался сдѣлать для себя неприступную цитадель. Октябристы нѣсколько компрометировали премьера. Онъ началъ отъ нихъ отдаляться. Закатывалась звѣзда А. И. Гучкова и восходила звѣзда П. Н. Балашова. Въ Г. Думѣ изъ умѣренно-правыхъ образовалась довольно сильная фракція націоналистовъ, которая и была объявлена правительственною партіей. П. Н. Балашовъ даже выступилъ съ программой „работы на мѣстахъ", съ той извѣстной программой „древонасажденія", надъ которой такъ зло смѣялись. Надо признать, что партія націоналистовъ была значительно ниже своего главнаго вождя и основателя П. А. Столыпина. Послѣдній медленно, ощупью пробираясь къ старому куріальному австрійскому конституціонализму, въ которомъ онъ видѣлъ какое-то новое слово, все же питалъ надежды, что

національмъ может послужить опорой для молодого русскаго народнаго представительства. Октябристы собирались утвердить его на заботахъ о государственной оборонѣ, имъ это не удалось,— авось, удастся утвердить принципъ народнаго представительства на заботахъ о русскихъ національныхъ интересахъ. Мы полагаемъ, что П. А. Столыпинъ, защищая въ Гос. Думѣ свой трехдневный роспускъ палатъ для проведенія закона по ст. 87-ой, совершенно искренно произнесъ слова, что „14 марта случилось нѣчто, не нарушившее, а укрѣпившее права молодого русскаго представительства", которыя многими считались насмѣшкой, граничившей съ издѣвательствомъ. Но такъ называемые націоналисты ни о какихъ правахъ народнаго представительства, вообще, не размышляли. Они смотрѣли на вещи прямо и реально. Они видѣли, что званіе націоналиста обезпечиваетъ имъ вліяніе въ правительственныхъ сферахъ, и спѣшили девальвировать его въ звонкую монету. Они прямо принялись за гешефты, проводимые подъ націоналистическимъ флагомъ. Націоналисты готовились завладѣть „мѣстами" и въ новыхъ земствахъ, и въ Финляндіи, и на желѣзныхъ дорогахъ...

Эпизодъ съ западнымъ земствомъ позволяетъ заглянуть въ самую глубь сложившихся у насъ отношеній. Онъ ясно показываетъ, что укрѣплять права „молодого русскаго народнаго представительства" нельзя никакими тактическими пріемами, будь то октябристскій милитаризмъ или столыпинскій націонализмъ. „Укрѣпленіе" это зависитъ отъ соціаль-

ныхъ отношеній въ странѣ. Эпизодъ съ западнымъ земствомъ доказалъ лишній разъ ту истину, что при сохраненіи господства за дворянски-землевладѣльческимъ классомъ никакія реформы, никакое правильное развитіе конституціонной русской жизни невозможно. П. А. Столыпину не впервые пришлось столкнуться съ этимъ фактомъ. Уже послѣ роспуска первой Думы московскій съѣздъ дворянъ-помѣщиковъ-земцевъ въ рѣзкой формѣ высказалъ П. А. Столыпину, что его проекты земской реформы- -та же самая революція, что и кадетскіе проекты, только нѣсколько въ смягченномъ видѣ. Земельная политика П. А. Столыпина, казалось бы, проводилась чуть ли не подъ диктовку совѣта объединеннаго дворянства, но и она, въ особенности же выступленія П. А. Столыпина и кн. Васильчикова во второй Г. Думѣ, вызвали сильное возмущеніе среди зубровъ противъ министерства. Въ противовѣсъ кадетскому принудительному отчужденію П. А. Столыпинъ предлагалъ продажу крестьянамъ земли черезъ крестьянскій банкъ. Когда ему указали, что имѣющіяся у банка земли—капля въ морѣ сравнительно съ крестьянской нуждой, онъ отвѣчалъ словами, которыхъ ему долгое время не могли простить дворяне-помѣщики. „Но, господа—заявилъ онъ—вѣдь, правительство только недавно начало образовывать земельный фондъ, вѣдь, крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями... при массѣ земель, предлагаемыхъ въ продажу, цѣны на нихъ не возрасли бы“. Изъ этихъ словъ вывели, довольно таки логично, что правительственная земельная политика строится въ

предположеніи, что масса земель, предлагаемыхъ въ продажу, будетъ не уменьшаться, а увеличиваться, т. е. что помѣщикамъ будетъ все труднѣе и труднѣе жить и хозяйничать въ деревнѣ. Крестьянскіе депутаты во второй Думѣ провозгласили съ высоты трибуны этотъ выводъ со всѣми необходимыми комментаріями. Главноуправляющій земледѣліемъ кн. Васильчиковъ сказалъ вдобавокъ нѣсколько туманныхъ фразъ о „передвиженіи граней". Крикъ боли послышался изъ рядовъ зубровъ, и П. А. Столыпину, чтобы нѣсколько успокоить разразившуюся бурю, пришлось пожертвовать кн. Васильчиковымъ и замѣнить его крайнимъ правымъ Кривошеинымъ. Но и политика насажденія мелкой крестьянской земельной собственности, продажи крестьянамъ участковъ черезъ банкъ, сильно смущала крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ. Они понимали, что по мѣрѣ того, какъ таетъ ихъ землевладѣніе, будетъ ослабѣвать и ихъ соціальное и политическое могущество. Они предчувствовали, что силою вещей среднее и мелкое землевладѣніе будетъ стремиться къ вытѣсненію крупнопомѣстныхъ дворянъ изъ земства и вообще изъ мѣстной жизни. Настаивая въ первое время на разрушеніи общины, какъ на лучшемъ средствѣ поселить въ деревнѣ междоусобіе, помѣстные дворяне скоро поняли, что проводимая реформа имѣетъ и свою оборотную сторону. Проектъ западнаго земства показалъ имъ краешекъ того, что ихъ ожидаетъ неособенно въ отдаленномъ будущемъ.

Проектъ введенія земскихъ учрежденій 1890 г.

въ шести западныхъ губерніяхъ (отъ введенія земства въ трехъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ правительство отказалось) довольно легко прошелъ въ Гос. Думѣ. Октябристы, отчасти для усиленія русскаго элемента, представляемаго въ западномъ краѣ мелкими, а не крупными землевладѣльцами, отчасти изъ желанія проявить свой либерализмъ, сократили предложенныя правительствомъ цензовыя нормы на половину. Законопроектъ, поступившій въ Госуд. Совѣтъ, вызвалъ тамъ сильную оппозицію. Противъ него образовалась разномастная коалиція. Правые и крупные помѣщики были противъ него, во-первыхъ, потому, что они находили введеніе земства вообще вреднымъ, влекущимъ для нихъ только новые расходы, во-вторыхъ, потому, что сильно пониженный цензъ для западныхъ губерній напоминалъ имъ о предстоящемъ пониженіи ценза и во внутреннихъ губерніяхъ. Сильная въ Гос. Совѣтѣ группа польскихъ магнатовъ была противъ правительственнаго законопроекта потому, что жало его направлялось противъ поляковъ. Наконецъ, лѣвая группа вооружалась противъ законопроекта, главнымъ образомъ, потому, что онъ вводилъ въ земскую жизнь новое начало національныхъ курій, которое она считала вреднымъ для государства. Враги П. А. Столыпина, такъ называемая „интрига", не могли не видѣть, что для нанесенія удара представляется очень удобный случай. Правительство объявило, что центромъ всего законопроекта оно считаетъ постановленіе о куріяхъ. Пытаться нанести правительству ударъ на вопросѣ о пониженномъ цензѣ

смысла не имѣло. Правительство и само не очень сочувствовало демократизаціи, допущенной Гос. Думой, и отрицательный вотумъ Совѣта могло бы встрѣтить со скрытой радостью. Зато направляя свои удары на вопросъ о куріяхъ, противники П. А. Столыпина имѣли бы на своей сторонѣ огромное большинство и нанесли бы столыпинскому проекту смертельный ударъ. Часть членовъ Гос. Совѣта изъ правой группы все-таки колебалась. Назначенные члены Совѣта не рѣшались выступить противъ министерства по столь важному проекту. Тогда-то членъ Гос. Совѣта В. Ѳ. Треповъ испросилъ аудіенцію, разсказалъ, что депутаціи изъ западнаго края, ходатайствовавшія о введеніи тамъ земскихъ учрежденій, не выражали голоса населенія, а были бутафорскими чиновничьими организаціями. Въ результатѣ Треповъ получилъ возможность передать своимъ сочленамъ по Гос. Совѣту передъ самымъ днемъ рѣшительнаго голосованія, что они могутъ голосовать „по совѣсти“, что, подавая свой голосъ противъ законопроекта, они не пойдутъ противъ ясно выраженной Высочайшей воли. Выступленіе В. Ѳ. Трепова, о которомъ П. А. Столыпинъ до голосованія ничего не зналъ, рѣшило дѣло. П. А. Столыпинъ, предпринявшій соотвѣтственные шаги, былъ увѣренъ въ побѣдѣ, хотя и незначительнымъ большинствомъ. Результаты голосованія его страшно поразили. Лица, присутствовавшія въ засѣданіи, говорили, что обыкновенно чрезвычайно выдержанный и хладнокровный П. А. Столыпинъ на этотъ разъ не могъ сдержать вы-

раженія охватившихъ его чувствъ. Онъ поспѣшилъ уѣхать изъ Г. Совѣта и подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Правые и лѣвые были очень обрадованы извѣстіями объ этой отставкѣ и не скрывали своей радости. Только націоналисты и отчасти октябристы оплакивали уходъ П. А. Столыпина. Такъ называемые лѣвые октябристы уже со временъ исторіи съ морскими штатами, относились къ П. А. довольно холодно. И среди націоналистовъ въ предвидѣніи будущихъ возможныхъ перемѣнъ начала организовываться группа такъ называемыхъ „независимыхъ націоналистовъ“, которые отказывались въ „человѣконенавистничествѣ“ идти такъ далеко, какъ Марковъ 2-й. Всего характернѣе для опредѣленія націоналистической души то, что во главѣ „независимыхъ націоналистовъ“ выступалъ не кто иной, какъ г. Крупенскій, бывшій фактотумомъ П. А. Столыпина, ему многимъ обязанный, имъ выведенный въ люди и теперь собиравшійся предавать его въ виду слуховъ о переходѣ власти къ Коковцову. Такъ мыши начинали уже бросать корабль, въ которомъ появилась течь...

Отставка была уже почти рѣшеннымъ дѣломъ. Но націоналисты не дремали. Они нажали самыя нѣжныя педали, обратились къ женскому вліянію, раздували радость лѣвыхъ группъ по поводу ухода П. А. Столыпина, указывали, что „крамола“ подымаетъ голову, что Столыпинъ—единственный человѣкъ, способный справиться съ тяжелымъ положеніемъ, пугали терроромъ и заговорами. По стать-

ямъ „Новаго Времени“ можно было легко видѣть, какъ ежедневно мѣнялись шансы. Сперва чуткая газета въ многочисленныхъ статьяхъ писала некрологи П. А. Столыпину. Черезъ два дня, сначала робко, затѣмъ все громче и громче, газета стала доказывать, что отпустить Столыпина нельзя, что безъ него все придетъ въ хаосъ, и возобновится смута. Эта точка зрѣнія и одержала верхъ. Отставка П. А. Столыпина принята не была, и онъ получилъ carte blanche дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Поставленныя имъ условія были приняты, несмотря на то, что крайніе правые въ самомъ фактѣ постановки условій видѣли неслыханное, недопустимое въ монархическомъ государствѣ, явленіе.

П. А. Столыпинъ „побѣдилъ“ на всѣхъ пунктахъ. Главные его противники, руководители „интриги“, П. Н. Дурново и В. Ѳ. Треповъ, получили восьмимѣсячный отпускъ за-границу. Государственная Дума и Гос. Совѣтъ были распущены на три дня, а въ это время на основаніи ст. 87-й Осн. Зак. былъ проведенъ въ порядкѣ чрезвычайнаго законодательства проектъ западнаго земства въ думской редакціи.

Такого удара по Основнымъ Законамъ не могли перенести и октябристы. Въ одну ночь они, только что вмѣстѣ съ націоналистами внесшіе законопроектъ о западномъ земствѣ въ Г. Думу и въ видѣ демонстраціи противъ Г. Совѣта предлагавшіе правительству провести его въ два дня въ порядкѣ думской инициативы, перешли въ оппозицію. А. И. Гучковъ отказался отъ поста предсѣдателя Гос.

Думы и, ни съ кѣмъ не „сосчитавшись", поѣхалъ путешествовать на Дальній Востокъ. Всѣ правыя и лѣвыя группы, всѣ, кромѣ націоналистовъ, вооружились противъ посягательства П. А. Столыпина на Основные Законы, хотя и по разнымъ мотивамъ. Въ Г. Совѣтъ и Г. Думу было внесено нѣсколько запросовъ. П. А. Столыпинъ пошелъ на встрѣчу этой бурѣ. 1 апрѣля онъ отвѣтилъ на запросъ въ Г. Совѣтѣ, а 27-го Г. Думѣ. И тамъ и тутъ его отвѣты были признаны неудовлетворительными, но, въ силу тактическихъ соображеній, изъ нежеланія вмѣшивать въ конфликтъ Монарха, резолюціи палатъ не были оффиціально доложены Его Величеству.

П. А. Столыпинъ зналъ своихъ „паппенгеймцевъ". Онъ понималъ, что время—лучшій лекарь, что русскіе люди отходчивы и что октябристамъ надо дать время остыть отъ обуявшаго ихъ припадка гражданскаго гнѣва. Дѣйствительно, октябристская непримиримость уже скоро начала уступать мѣсто прежней сговорчивости, и октябристы вмѣстѣ съ націоналистами и правыми стали дружно работать съ правительствомъ. Согласно закону, указъ о западномъ земствѣ долженъ былъ быть внесенъ въ Г. Думу черезъ два мѣсяца послѣ открытія ея засѣданій. Передъ истеченіемъ этого срока Г. Дума была распущена, и П. А. Столыпинъ получилъ возможность дѣйствовать со свободными руками въ теченіе почти пяти мѣсяцевъ. Былъ выработанъ опредѣленный планъ дѣйствій. Рѣшено было со всевозможной быстротой ввести въ дѣйствіе новый

законъ о западномъ земствѣ, дабы палатамъ пришлось уже имѣть дѣло съ учрежденіемъ, пустившимъ въ землю корни. Такое учрежденіе не такъ-то легко уничтожить. Къ завершенію земской реформы намѣчены были торжества въ Кіевѣ, во время которыхъ Государю Императору должны были представляться земскія депутаціи и благодарить за реформу. Еще раньше предположенъ былъ цѣлый дождь благодарственныхъ телеграммъ отъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Чтобы освѣжить нѣсколько ослабѣвшую дружбу между націоналистами и октябристами и указать имъ вмѣстѣ съ тѣмъ на предстоящую избирательную кампанію къ 4-й Думѣ, рѣшено было выставить старый призракъ кадетской и революціонной опасности. Оффиціозныя, націоналистскія и октябристскія газеты повели дружную кампанію противъ революціонныхъ плановъ кадетъ. За неимѣніемъ обличительнаго матеріала въ настоящемъ, усиліями охраны, вытащено было изъ архивовъ старое дѣло о парижскомъ конгрессѣ 1904 г., гдѣ представители тогда еще не существовавшей кадетской партіи засѣдали вмѣстѣ съ соціалистами-революціонерами. Обвинители сами отлично знали, что это было еще до введенія въ Россіи представительныхъ учрежденій, что всѣ событія того времени покрыты Высочайшей амнистіей. Но они преслѣдовали только агитаціонныя цѣли. Вдохновителямъ кампаніи надо было толками о кадетской революціонности и угрозами по адресу всѣхъ кадетскихъ союзниковъ толкнуть октябристовъ въ объятія націоналистовъ, заставить ихъ забыть о своихъ недавнихъ выступленіяхъ противъ министерства.

Все, казалось, шло очень хорошо. Октябристы успокаивались. „Голосъ Москвы“ съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ „Новое Время“, „Россія“ и „Свѣтъ“, занимался травлей кадетъ. Въ западныхъ губерніяхъ шла спѣшная работа по введенію земскихъ учрежденій. Въ этой спѣшкѣ было совершено не мало несправедливостей и беззаконій—но конечный результатъ казался благопріятнымъ: составъ земствъ получился, если не „націоналистическій“, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ умѣренный, не склонный къ оппозиціи правительству. Съ внѣшней стороны П. А. Столыпинъ могъ казаться полнымъ побѣдителемъ. Онъ удачно преодолѣвалъ всѣ чрезвычайныя затрудненія, встрѣчавшіяся ему на дорогѣ. Въ его головѣ рождались уже новые планы, дальнѣйшіе этапы воинствующаго національзма, въ родѣ національзаціи кредита, присоединенія выборгской губерніи, очищенія желѣзныхъ дорогъ отъ польскаго элемента и замѣны ихъ союзниками и т. д. Но что-то мѣшало этому торжеству. Носились какія-то тѣни. Появился и все болѣе крѣпъ слухъ, что именно теперь, въ этотъ часъ, казалось, полнѣйшаго торжества П. А. Столыпина, его и ждетъ удаленіе отъ государственныхъ дѣлъ, что ему готовится почетный постъ намѣстника Кавказа. Несмотря на свой яркій блескъ, звѣзда П. А. Столыпина видимо все-таки закатывалась...

Подготовлялись какія-то событія, но нить ихъ была прервана выстрѣломъ Богрова, революціонера изъ охраннаго отдѣленія...

„Въ кіевскомъ преступленіи“ – писалъ П. Б. Струве

въ № 10 „Русской Мысли“ за 1911 г. „общество не почувствовало ничего своего и оно было право: тутъ „революція“ испарилась, какъ общественное движеніе, и превратилась въ чисто-личную авантюру современныхъ сверхчеловѣковъ. Какъ революціонный актъ, убійство П. А. Столыпина совершенно случайно. Не случайна въ немъ только та роль, которая выпала на долю такъ называемой „охраны“. Но „охрана“, которая послужила трамплиномъ для революціоннаго прыжка Богрова, такъ же чужда обществу, какъ и этотъ самый революціонный прыжокъ, едва ли не являющійся самоубійствомъ изъѣденнаго своимъ собственнымъ нравственнымъ нигилизмомъ человѣка. Въ томъ, что отъ пули революціонера-охранника палъ П. А. Столыпинъ, съ трибуны Государственной Думы отрицавшій внутреннюю прикосновенность Азефа къ революціонному террору и его соучастіе въ важнѣйшихъ террористическихъ актахъ и признавшій въ Азефѣ лишь удобнаго „сотрудника“, чувствуется что-то трагическое и роковое. Въ свое время я усумнился въ томъ, что Столыпинъ искренно отрицалъ нѣчто столь очевидное и видѣлъ въ этомъ отрицаніи вынужденную самозащиту министра внутреннихъ дѣлъ, т. е. министра полиціи, спасавшаго свое положеніе и престижъ полицейскаго вѣдомства предъ лицомъ убійственнаго разоблаченія. Но что, если Столыпинъ въ самомъ дѣлѣ заблуждался и понялъ истину гораздо позже, можетъ быть, только на смертномъ одрѣ!?“.

До сихъ поръ убійство остается неразъясненнымъ.

Богровъ былъ казненъ съ чрезвычайной поспѣшностью, процессъ его происходилъ при наглухо закрытыхъ дверяхъ, такъ что свѣтъ истины не могъ упасть на всѣ извивы кіевскаго преступленія. Какова въ немъ роль охраны? Была ли тутъ просто огромная небрежность или нѣчто иное, граничащее съ умысломъ? Общественное мнѣніе какъ будто склоняется ко второму предположенію. По крайней мѣрѣ, лидеръ октябристовъ А. И. Гучковъ съ трибуны Государственной Думы рѣшился сказать такія слова: „Нашлись люди, которые сдѣлали изъ нашего недуга (террора) источникъ здоровья (голосъ слѣва: охранники), изъ нашей медленной смерти — оправданіе своей жизни. Эти люди забыли свой долгъ, свою присягу, забыли, какіе жизненные интересы государства и какія жизни имъ ввѣрены. Для этой банды существовали только соображенія карьеры и интересы личнаго благосостоянія, разсчеты корысти. Это были крупные бандиты, жадной толпой стоящіе, но съ подкладкой мелкихъ мошенниковъ. Когда они увидали, что ихъ распознали, когда они почувствовали, что имъ наступили на хвостъ, что стали подстригать ихъ когти, стали провѣрять ихъ ресторанные счета, то они предоставили событіямъ идти своимъ естественнымъ теченіемъ“...

—

ГЛАВА VII.

Итоги пятилѣтней дѣятельности.

Мученическая смерть П. А. Столыпина на посту явилась для него апоѳеозомъ. Его друзья пытались канонизировать покойнаго премьера, изобразить его

великимъ русскимъ государственнымъ дѣятелемъ, творцомъ „обновленной Россіи". Явное преувеличеніе съ одной стороны вызвало яростныя преуменьшенія съ другой. Слѣва и справа раздались голоса, что П. А. Столыпинъ былъ однимъ изъ заурряднѣйшихъ губернаторовъ, волею судебъ очутившимся на первомъ мѣстѣ. Попробуемъ, насколько возможно безпристрастно, оцѣнить, что сдѣлалъ П. А. Столыпинъ за 5 лѣтъ своего премьерства и кѣмъ онъ былъ.

Дѣятелю „обновленной Россіи" послѣ 17 октября мы прежде всего должны задать вопросъ: каковы его политическія убѣжденія? Какой же символъ вѣры исповѣдывалъ П. А. Столыпинъ? Нельзя при этомъ ограничиваться одними его словами. Изъ того, что П. А. Столыпинъ въ послѣдніе годы часто употреблялъ слова „самодержавіе", „самодержавная власть", вовсе еще не слѣдуетъ, что въ вопросѣ о формѣ нашего государственнаго устройства П. А. Столыпинъ сходился съ крайними правыми. Употребленіе извѣстныхъ словъ могло быть только тактическимъ пріемомъ. Корень вопроса въ томъ, какъ онъ смотрѣлъ на Основные Законы, считалъ ли ихъ обязательными *для всѣхъ въ Россіи безъ исключенія* или нѣтъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что во время первой и второй Думъ, когда общественное движеніе было достаточно сильно, П. А. Столыпинъ былъ истиннымъ конституціоналистомъ, правда, не по симпатіямъ, не по душевной склонности къ этому строю, но по разсудку, по сознанію, что внѣ этого строя не можетъ быть величія Россіи. Въ телеграммѣ, циркулярно разосланной губернаторамъ передъ выборами

во вторую Гос. Думу, П. А. Столыпинъ указывалъ имъ на необходимость устранить „всю злонамѣренность толковъ о желаніи правительства созвать Думу лишь съ цѣлью ея непремѣннаго роспуска и возвращенія къ прежнимъ, осужденнымъ Государемъ, порядкамъ“. Въ той же телеграммѣ онъ въ такихъ выраженіяхъ характеризовалъ роль Думы: „Призванная Государемъ служить *основой законодательнаго строя въ Имперіи*, являясь важнѣйшимъ факторомъ возсозданія крѣпкихъ государственныхъ устоевъ и порядка, имѣя право законодадательной иниціативы, Государственная Дума встрѣтитъ въ правительствѣ живѣйшее и искреннѣйшее стремленіе къ согласованной плодотворной творческой работѣ“. Въ деклараціи передъ второй Думой П. А. Столыпинъ говорилъ, что „преобразованное по волѣ Монарха отечество наше должно превратиться въ *государство правовое*“. Не произнося изъ извѣстныхъ тактическихъ соображеній слова „конституція“, П. А. Столыпинъ исповѣдывалъ, несомнѣнно. основы конституціоннаго, правового строя.

Между второй и третьей Думами имѣлъ мѣсто актъ 3 іюня, рѣзко нарушившій Основные Законы. Естественно, что политическіе взгляды П. А. Столыпина, взявшаго на свою отвѣтственность актъ 3 іюня, должны были измѣниться. Въ манифестѣ 3 іюня подчеркивалось, что „всѣ дарованныя манифестомъ 17 октября и Основными Законами права“ остаются въ силѣ, измѣняется лишь избирательный законъ, такъ какъ „только власти, даровавшей первый избирательный законъ, истори-

ческой власти русскаго царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ". Развивая эти положенія въ деклараціи 16 ноября, П. А. Столыпинъ говорилъ, что „историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха призвана въ минуты потрясеній и опасности для государства къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и исторической правды". „Строй, въ которомъ мы живемъ — говорилъ онъ далѣе —это *строй представительный*, дарованный самодержавнымъ Монархомъ и, слѣдовательно, обязательный для всѣхъ Его вѣрноподданныхъ". Подчеркивая, что это „*законодательный*, новый представительный строй" и протестуя противъ прикрѣпленія къ „нашему русскому стволу какого-то чужестраннаго цвѣтка", П. А. Столыпинъ указывалъ, что, вѣдь, само самодержавіе русскихъ царей мѣнялось на протяженіи исторіи: „самодержавіе московскихъ царей не походитъ на самодержавіе Петра, точно такъ же, какъ и самодержавіе Петра не походитъ на самодержавіе Екатерины II и Царя-Освободителя". Все это чрезвычайно туманно и неопредѣленно, гораздо неопредѣленнѣе, чѣмъ даже манифестъ 3 іюня. Этотъ актъ ограничивалъ право государственнаго переворота только областью избирательнаго закона, а П. А. Столыпинъ шелъ гораздо дальше, создавая цѣлую теорію „спасенія" Россіи, „возвращенія ея на путь порядка и исторической правды". Чего нельзя было только подвести подъ эту широкую формулу, окончательно упразднявшую значеніе Основныхъ Законовъ! И все-таки крайніе правые, открыто требо-

вавшіе измѣненія Основныхъ Законовъ и превращенія Г. Думы *изъ законодательнаго въ законосовѣщательное* учрежденіе были П. А. Столыпинымъ недовольны, видѣли въ чемъ-то различіе между собой и имъ, да и самъ П. А. Столыпинъ упорно продолжалъ говорить о „новомъ законодательномъ представительномъ строѣ". Было ли тутъ одно лицемѣріе или же на самомъ дѣлѣ существовало какое-то различіе?

Немедленно послѣ смерти П. А. Столыпина бывшій террористъ, а нынѣ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей", Л. А. Тихомировъ опубликовалъ свое письмо, посланное премьеру 5 іюля 1911 г. Въ письмѣ этомъ, указывая на господствующую у насъ анархію и безсиліе законодательныхъ учрежденій, г. Тихомировъ предлагалъ П. А. Столыпину добиться новаго государственнаго переворота, радикальнаго измѣненія Основныхъ Законовъ въ смыслѣ уничтоженія законодательнаго значенія нашихъ палатъ. Центральное и самое существенное мѣсто письма г. Тихомирова сводилось къ слѣдующей фразѣ: „Самъ Государь Императоръ можетъ самостоятельно лишь не допустить закона воспріять силу, но создать потребнаго для страны закона самостоятельно не можетъ". Опубликованіе письма Тихомирова какъ бы подтверждало ту мысль, что П. А. Столыпинъ былъ врагомъ конституціи 1906 года и велъ переговоры объ измѣненіи Основныхъ Законовъ. Желая сгладить впечатлѣніе, произведенное этимъ письмомъ, братъ покойнаго премьера поспѣшилъ опубликовать и ту резолюцію, которую П. А.

Столыпинъ положилъ на письмѣ Тихомирова. Резолюція эта чрезвычайно любопытна и проливаетъ много свѣта на политическіе взгляды П. А. Столыпина. „Всѣ эти *прекрасныя* теоретическія разсужденія —писалъ П. А. Столыпинъ — на практикѣ оказались бы злостной провокаціей и началомъ новой революціи". Итакъ, разсужденія г. Тихомирова, взывавшаго къ государственному перевороту, къ возстановленію прежняго абсолютизма, хотя бы и сопутствуемаго выборными отъ сословій людьми, П. А. Столыпинъ признавалъ „прекрасными". Противоставить имъ онъ могъ только боязнь „революціи". Настоящаго правового уваженія къ Основнымъ Законамъ Россійской Имперіи у него не было. Онъ не могъ отвергнуть съ презрѣніемъ тихомировскія разсужденія, какъ призывъ къ преступленію, къ нарушенію закона. Въ цѣли онъ съ ними сходился, но средство, предлагаемое г. Тихомировымъ, открытое измѣненіе Основныхъ Законовъ, считалъ опаснымъ и ведущимъ къ революціи. Такое отсутствіе правового чувства въ руководителѣ политики страны, по-истинѣ, ужасно. Оно, впрочемъ, является логическимъ послѣдствіемъ его дѣйствій при роспускѣ второй Думы.

Въ преніяхъ по запросу о способахъ введенія имъ западнаго земства П. А. Столыпинъ уже вполнѣ опредѣленно, со всѣми точками надъ і, въ видѣ системы, развилъ свои политическія воззрѣнія. „Всѣмъ извѣстенъ- говорилъ П. А. Столыпинъ— всѣмъ памятенъ установившійся, почти узаконенный нашъ законодательный обрядъ: внесеніе законопро-

ектовъ въ Гос. Думу, признаніе ихъ здѣсь обыкновенно недостаточно радикальными, перелицовка ихъ и перенесеніе въ Гос. Совѣтъ; въ Гос. Совѣтѣ признаніе уже правительственныхъ законопроектовъ обыкновенно слишкомъ радикальными, отклоненіе ихъ и провалъ закона. А въ концѣ концовъ въ результатѣ - царство такъ называемой вермишели, застой во всѣхъ принципіальныхъ реформахъ". Это положеніе, очень ярко названное П. А. Столыпинымъ „гармонически законченной законодательной безпомощностью", очерчено имъ совершенно вѣрно. Правительство хотѣло вести яркую политику, а, слѣдовательно, „правительство должно было представить Верховной власти законный и благополучный выходъ". И этотъ „выходъ" правительство нашло въ ст. 87-й съ образованіемъ для ея примѣненія искусственнаго (въ данномъ случаѣ трехдневнаго) перерыва. „Конечно -говорилъ премьеръ -ст. 87 средство крайнее, средство совершенно исключительное. Но, господа, она даетъ по закону возможность Монарху создать выходъ изъ безвыходнаго положенія". П. А. Столыпинъ признаетъ, что было бы „нелѣпо, я скажу, даже преступно, вводить въ обычный обиходъ управленія страной статью 87", онъ надѣется, что съ упорядоченіемъ нашей политической жизни, необходимость въ ней исчезнетъ, и постепенно установится законодательная работа безъ такого „нѣкотораго нажима на законъ", какъ онъ выразился въ частномъ разговорѣ. Но пока -приходится выбирать между откровенной отмѣной Основныхъ Законовъ въ духѣ Тихомирова или

примѣненіемъ ихъ съ обходомъ въ случаѣ нужды при помощи ст. 87-ой и „нажима на законъ". Исходя изъ этой своей теоріи, П. А. Столыпинъ и сказалъ показавшуюся кощунственной фразу, что „14 марта случилось нѣчто, не нарушившее, а укрѣпившее права молодого русскаго представительства".

Надо ли доказывать всю ошибочность разсужденій П. А. Столыпина? Явный обходъ закона, примѣненіе Основныхъ Законовъ in fraudem legis не можетъ, конечно, усиливать народнаго представительства, а только демонстрируетъ его безсиліе, дѣлаетъ его жалкимъ и смѣшнымъ. Къ чему народное представительство, если можно законодательствовать и безъ него и противъ него? Стоитъ ли обращать вниманіе на „болтовню депутатовъ", когда при помощи ст. 87-ой можно сдѣлать все, что угодно, предоставивъ имъ впослѣдствіи „одобрить" принятую мѣру? Нѣтъ, въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится русское народное представительство, не пользующееся въ странѣ почти никакимъ авторитетомъ, въ значительной мѣрѣ виноватъ именно П. А. Столыпинъ, сначала нарушившій Основные Законы открыто, якобы для „спасенія державы", а затѣмъ создавшій теорію постояннаго обхода ихъ при помощи ст. 87-ой для обыденной законодательной практики. Откровенное нарушеніе закона въ случаяхъ чрезвычайныхъ и обходъ его въ случаяхъ обыденныхъ такова политическая теорія покойнаго премьера. П. А. Столыпинъ горячо защищался отъ упрека, что его

способъ дѣйствій есть, по его же выраженію, „возвращеніе къ худшему изъ абсолютизмовъ, къ абсолютизму зарвавшихся чиновниковъ". Когда онъ произнесъ эти слова, слѣва раздался возгласъ: „вѣрно", и это замѣчаніе, конечно, было справедливо. Но вся горечь ироніи русской жизни, насквозь пропитанной беззаконіемъ, состоитъ въ томъ, что П. А. Столыпинъ въ своей теоріи могъ искренно видѣть „укрѣпленіе представительнаго строя". Мы рѣшительно утверждаемъ, что онъ это говорилъ вполнѣ искренно, потому что столь же искренно одинъ изъ немногихъ мыслящихъ правыхъ идеологовъ г. Балаклѣевъ въ теоріи П. А. Столыпина увидѣлъ „конституціонализмъ". „Указаніе на то, что Монарху предоставляется статьей 87-ой *единственная* возможность—говорилъ вполнѣ логично г. Балаклѣевъ - это указаніе, по моему, яснымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что предсѣдатель совѣта министровъ считаетъ Монарха конституціоннымъ въ смыслѣ подчиненности Его Основнымъ Законамъ..."

Выводъ г. Балаклѣева, повторяемъ, правиленъ, но онъ неполонъ. П. А. Столыпинъ признаетъ и абсолютизмъ Монарха, но только въ экстренныхъ случаяхъ, когда нужно „спасать державу". Въ обычныхъ же случаяхъ П. А. Столыпинъ признавалъ абсолютизмъ чиновниковъ, предоставляя имъ при помощи ст. 87-ой обходить смыслъ Основныхъ Законовъ, сохраняя ихъ букву. Поэтому-то такой эффектъ произвели слова гр. Витте въ его извѣстной перепискѣ съ А. И. Гучковымъ, что Столыпинъ занимался ограниченіемъ власти Мо-

нарха въ пользу не народа, а кучки чиновниковъ. Тутъ не только ядовитый и тактически убійственный выпадъ противъ политическаго врага, тутъ и большая доля истины, которой не могутъ отрицать и вполнѣ безпристрастные люди...

П. А. Столыпинъ не только „въ прекрасныхъ теоретическихъ разсужденіяхъ" дискредитировалъ народное представительство и подрывалъ его значеніе. Всѣ его крупныя реформы, благія или вредныя, всѣ онѣ проведены помимо народнаго представительства, при помощи ст. 87. Предоставленіе старообрядцамъ и сектантамъ свободы отправленія вѣры, сравненіе крестьянъ въ гражданскихъ правахъ съ лицами иныхъ сословій, предоставленіе имъ права выбирать земскихъ гласныхъ, отмѣна административной расправы съ ними земскихъ начальниковъ,—всѣ эти мѣры, встрѣченныя обществомъ сочувственно и служившія къ укрѣпленію за П. А. Столыпинымъ за-границей званія либерала,—проведены имъ въ порядкѣ ст. 87-ой. Главнѣйшее дѣло его жизни, реформа, которая навсегда ввела его имя въ русскую исторію, —предоставленіе крестьянамъ выхода изъ общины съ землей. Эта мѣра, къ которой одни относятся безусловно отрицательно, а другіе (въ томъ числѣ и авторъ этихъ строкъ) видятъ въ ней принципіально вѣрную, но плохо осуществленную, мысль, эта мѣра представляетъ подлинную, чреватую самыми неожиданными послѣдствіями, революцію, но и она осуществлена въ порядкѣ ст. 87-ой. При содѣйствіи народнаго представительства П. А. Столыпинъ осуществилъ

только одну крупную мѣру: отмѣну финляндской автономіи общимъ огульнымъ декларативнымъ закономъ 17 іюня 1910 г., не требовавшимъ никакого творчества. Какой трудъ при наличности людей, готовыхъ слѣпо вотировать все, что ни предложатъ, представляетъ сочиненіе законопроекта, устанавливающаго, что отнынѣ всѣ финляндскія дѣла, какія правительство найдетъ нужнымъ, будутъ разсматриваться въ общеимперскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ? Вся трудность финляндскаго вопроса, его трагическая зависимость отъ состоянія культуры и свободы въ самой Имперіи, станетъ ясной только при наполненіи этихъ пустыхъ формъ реальнымъ содержаніемъ. Какіе законы дадутъ Финляндіи общеимперскіе законодательные органы, не замѣнятъ ли они свободы, установленныя сеймомъ, усиленной и чрезвычайной охраной съ охранными отдѣленіями, какъ хранителями законности?..

Мы только что упомянули о земельной реформѣ. Въ рѣчахъ П. А. Столыпина вы найдете множество краснорѣчивѣйшихъ тирадъ о значеніи крѣпкаго мелкаго личнаго собственника для устойчивости государства, о значеніи его для свободныхъ учрежденій и для мѣстнаго самоуправленія... Есть указанія и на то, что П. А. Столыпинъ понималъ и невозможность прочнаго созданія такихъ собственниковъ въ безправной и безсудной странѣ. Не могъ, вѣдь, онъ не видѣть, что въ условіяхъ русской жизни проводимая реформа не даетъ прочныхъ прогрессивныхъ хозяйствъ, а рождаетъ злобу и вражду въ деревнѣ, создаетъ привилегированныхъ,

но культурно пока еще вовсе не сильнѣйшихъ, крестьянъ, что все это готовитъ лишь почву для поножевщины и пугачевщины. Существующій укладъ жизни не даетъ, вѣдь, и собственникамъ надлежащей правовой защиты, а огульныя расправы административнымъ путемъ надъ общинниками, вызываютъ такую ненависть къ хуторянамъ, которая къ добру не приведетъ. Мы отвергаемъ, какъ несправедливый, бросаемый реформѣ упрекъ, что цѣль ея— создать въ помощь помѣщикамъ нѣсколько сотъ тысячъ деревенскихъ кулаковъ. Нѣтъ, цѣли реформы другія. Онѣ сводятся къ европеизированію русскаго сельскаго хозяйства, къ созданію милліоновъ крѣпкихъ сельскихъ хозяевъ, мелкихъ собственниковъ, которые бы подняли нашъ падающій сельскій промыселъ. Но безъ реформы правового строя цѣли эти недостижимы. Въ атмосферѣ безправія и беззаконія реформа, дѣйствительно, можетъ выродиться въ обезземеленіе части крестьянъ для увеличенія земельныхъ владѣній кое-какихъ кулаковъ. Что же П. А. Столыпинымъ было сдѣлано для водворенія порядка и права на Руси? Обѣщано было очень много. Всѣ эти обѣщанія чернымъ по бѣлому занесены въ декларацію, прочитанную передъ второй Г. Думой 6 марта 1907 г. Но когда мы возьмемъ по пунктамъ всѣ обѣщанія этой деклараціи и посмотримъ, что сдѣлано за истекшіе четыре съ половиной года, то итоги получатся подавляющіе. Эта сухая, почти математическая таблица сама говоритъ за себя и сама произноситъ строгій, нелицепріятный судъ.

Вотъ она:

Обѣщано въ деклараціи.	Существуетъ въ жизни.
1) Предоставленіе крестьянамъ земель государствен., удѣльныхъ и кабинетскихъ.	1) Изъ болѣе чѣмъ 9 милл. дес. крестьянамъ до 1 янв. 1911 г. было продано 281.000 дес.
2) „Рядъ законопроектовъ, опредѣляющихъ переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, безпрепятственное богомоленіе, сооруженіе молитвенныхъ зданій, образованіе религіозныхъ общинъ, отмѣну связанныхъ исключительно съ исповѣданіемъ ограниченій и т. п.“	2) Ничего не осуществлено. Большинство законопроектовъ застряли въ Г. Совѣтѣ, гдѣ ихъ ждетъ гибель. Прошедшій черезъ обѣ палаты законопроектъ объ отмѣнѣ ограниченій для православныхъ священнослужителей, лишенныхъ сана, утвержденія не получилъ.
3) Неприкосновен. личности, при которой „личное задержаніе, обыскъ, вскрытіе корреспонденціи обусловливаются постановленіемъ соотвѣтственной судебной инстанціи, на которую возлагаются и провѣрка въ теченіе сутокъ основаній законности ареста, послѣдовавшаго по распоряженію полиціи“	3) На пространствѣ всей Россіи господствуетъ административный произволъ. Попытка петербургскихъ мировыхъ судей провѣрять законность арестовъ встрѣтила рѣзкое противодѣйствіе правительства. Законопроектъ о неприкосновен. личности, обработанный г. Замысловскимъ въ смыслѣ полной ея прикосновенности, къ счастью, застрялъ въ Г. Думѣ.
4) Введеніе лишь во время войны или народныхъ волненій исключительнаго положенія, которое предполагается одно вмѣсто трехъ, нынѣ существующихъ.	4) Нынѣ существуетъ не три, а уже четыре. Кромѣ военнаго и положеній о чрезвычайной и усиленной охранахъ, администраціи на всемъ протяженіи Имперіи предоставлено право изданія обязательныхъ постанов-

Обѣщано въ декларацiи.	Существуетъ въ жизни.
	ленiй съ административными карами, что совершенно равносильно положенiю объ усиленной охранѣ. Хотя уже давно нѣтъ ни войны, ни народныхъ волненiй, но въ Россiи нѣтъ ни одной мѣстности, которая бы управлялась только на основанiи общихъ законовъ.
5) Административную высылку въ опредѣленныя мѣста предположено совершенно упразднить.	5) Процвѣтаетъ по-прежнему.
6) Безсословная самоуправляющаяся волость въ качествѣ мелкой земской единицы.	6) Таковой пока нѣтъ и когда будетъ, неизвѣстно.
7) Образованiе особыхъ земельныхъ обществъ исключительно для рѣшенiя своихъ земельныхъ дѣлъ безъ всякихъ административныхъ обязанностей.	7) По-прежнему сельское общество представляетъ хаотическое смѣшенiе экономическихъ, частно-хозяйственныхъ и административн. функцiй.
8) Мѣры противъ чрезмѣрнаго сосредоточенiя надѣльныхъ земель въ однѣхъ рукахъ и противъ чрезмѣрнаго дробленiя ихъ, а равно къ упрощенiю совершенiя на нихъ актовъ.	8) Закономъ 14-го iюля 1910 г. запрещено сосредоточенiе въ однѣхъ рукахъ болѣе 6 надѣловъ и упрощено совершенiе актовъ. Мѣръ противъ дробленiя нѣтъ.
9) Введенiе поселковыхъ управленiй.	9) Ихъ нѣтъ.
10) Уставы общественнаго призрѣнiя, о гужевыхъ земскихъ дорогахъ и временный законъ о передачѣ продовольственнаго дѣла въ вѣдѣнiе земскихъ учрежденiй.	10) Законами не стали. Во время голодной кампанiи 1911 г. земства отъ продовольственнаго дѣла были устранены административными комитетами.

Обѣщано въ декларацiи.	Существуетъ въ жизни.
11) Земское представительство строится на принципѣ налогового ценза, что расширяетъ кругъ лицъ, принимающихъ участiе въ мѣстной жизни; компетенцiя органовъ самоуправленiя увеличивается передачей имъ цѣлаго ряда новыхъ обязанностей, а отношенiе къ нимъ администрацiи заключается въ надзорѣ за законностью ихъ дѣйствiй.	11) Въ жизни все по старому, а отношенiе администрацiи даже къ „правымъ“ земцамъ при П. А. Столыпинѣ было не лучше, чѣмъ при Плеве, когда земства слыли за оппозицiонныя учрежденiя.
12) Введенiе самоуправленiя на тѣхъ же общихъ основахъ съ нѣкоторыми вызванными мѣстными особенностями измѣненiями въ Прибалтiйскомъ, Западномъ Краѣ и Царствѣ Польскомъ.	12) Введены только земскiя учрежденiя въ 6-ти западныхъ губернiяхъ на основанiи ст. 87-й съ нарушенiемъ Основныхъ Законовъ.
13) Законы о губернскомъ и уѣздномъ управленiи.	13) Пока все по-старому.
14) Жалобы на административныхъ и выборныхъ должностныхъ лицъ и учрежденiя будутъ разсматриваться административно-судною коллегiей съ соблюденiемъ формъ состязательнаго процесса.	14) Пока все по-старому.
15) Земскiе начальники упраздняются.	15) Благополучно существуютъ.
16) Преобразованiе полицiи въ смыслѣ объединенiя полицiи жандармской и общей.	16) Пока все по-старому. Даже въ проектѣ обѣ полицiи въ сущности остаются раздѣльными.
17) Производство политическихъ дознанiй передается власти слѣдственной.	17) Въ области мечтанiй. Въ жизни господствуетъ охрана и ея герои.

Обѣщано въ деклараціи.	Существуетъ въ жизни.
18) Новый полицейскій уставъ.	18) Дѣйствуетъ „устарѣлый уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій" и даже не онъ, а положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и обязательныя постановленія.
19) Отмѣна волостныхъ судовъ.	19) Отъ этой мысли отказалось въ Г. Совѣтѣ и министерство П. А. Столыпина.
20) Мѣстный судъ мировыхъ выборныхъ судей.	20) Проектъ прошелъ черезъ Гос. Думу и застрялъ, кажется безнадежно, въ Г. Совѣтѣ.
21) Проектъ о гражданской и уголовной отвѣтственности служащихъ, дѣйствительно обезпечивающій начала уголовной и имущественной отвѣтственности служащихъ.	21) Только проектъ... Обсужденіе его въ Гос. Думѣ состоялось только послѣ смерти П. А. Столыпина.
22) Проектъ объ увеличеніи содержанія должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства.	22) Осуществленъ.
23) Допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи.	23) Проведеніе законопроекта разбилось о Гос. Совѣтъ при бездѣйствіи правительства.
24) Установленіе института усповнаго осужденія.	24) То же самое.
25) Установленіе условнаго досрочнаго освобожденія.	25) Законопроектъ прошелъ всѣ стадіи. Въ 1910 году былъ примѣненъ къ 12353 осужденнымъ.
26) Введеніе въ полномъ объемѣ новаго уголовнаго уложенія по согласованіи его	26) Пока все по-старому.

Обѣщано въ деклараціи.	Существуетъ въ жизни.
съ новыми законоположеніями.	
27) Проекты охранительнаго судопроизводства, вотчиннаго устава съ ипотечной системой.	27) Пока все по-старому.
28) Широкое развитіе и организація кредита земельнаго, меліоративнаго и переселенческаго.	28) Кое-что въ этой области дѣлалось, но о „широкомъ развитіи“ говорить смѣшно.
29) Положеніе о землеустройствѣ.	29) Сдѣлалось закономъ
30) Реорганизація землеустроительныхъ комиссій.	30) Произведена.
31) Ограниченіе административнаго вмѣшательства въ отношенія промышленниковъ и рабочихъ при предоставленіи какъ тѣмъ, такъ и другимъ необходимой свободы дѣйствій черезъ посредство профессіональныхъ организацій и путемъ ненаказуемости экономическихъ стачекъ.	31) Организаціи промышленниковъ, дѣйствительно, не стѣсняются. Организаціи рабочихъ систематически разрушаются. Ненаказуемость экономическихъ стачекъ администраціей толкуется въ томъ смыслѣ, что рабочіе не предаются суду, а высылаются въ административномъ порядкѣ.
32) Страхованіе рабочихъ въ случаяхъ болѣзни, увѣчій, инвалидности и старости и организація врачебной помощи.	32) Реальнаго при П. А. Столыпинѣ не сдѣлано было ничего.
33) Ограниченіе рабочаго времени малолѣтнихъ и подростковъ и запрещеніе имъ и женщинамъ производства ночныхъ и подземныхъ работъ.	33) Пока все по-старому.
34) Пониженіе продолжительности труда взрослыхъ рабочихъ.	34) Пока все по-старому.

Обѣщано въ деклараціи.	Существуетъ въ жизни.
35) Закрытіе порто-франко на Дальнемъ Востокѣ.	35) Эта мѣра осуществлена.
36) Постройка Амурской дороги.	36) Производится, хотя и съ запозданіемъ и съ перерасходами противъ первоначальныхъ плановъ
37) Школьная реформа на всѣхъ ступеняхъ образованія на началахъ непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но съ законченнымъ кругомъ знаній на каждой изъ школьныхъ ступеней.	37) Отъ этого демократическаго плана министерство отказалось еще послѣ замѣны Кауфмана Шварцемъ.
38 Общедоступность и обязательность начальнаго обученія для всего населенія.	38) Оба правительствен. проекта—и объ ассигнованіи средствъ на всеобщее обученіе и объ организаціи начальной школы прошли черезъ Г. Думу, но погибаютъ въ Г. Совѣтѣ.
39) Реформа средн. школы.	39) О ней ничего не слышно.
40) Реформа высшей школы съ укрѣпленіемъ началъ указа 28 авг. 1905 г.	40) Проектъ университетскаго устава взятъ изъ Г. Думы обратно. Автономія (указъ 28 августа) „разъяснена" Пр. Сенатомъ и министерскими циркулярами.
41) Разсмотрѣніе бюджета.	41) Единственная область, въ которой наладилась согласованная работа правительства и народныхъ представителей, быть можетъ, вслѣдствіе ограниченности правъ Г. Думы.

Обѣщано въ деклараціи.	Существуетъ въ жизни.
42) Подоходный налогъ.	42) Застрялъ въ финансовой комиссіи Г. Думы и едва ли оттуда выберется.
43) Передача органамъ самоуправленія нѣкоторой части нынѣшнихъ государственныхъ доходовъ.	43) И въ этой области реальнаго пока ничего не сдѣлано.

Таковъ балансъ законодательнаго обновленія Россіи при П. А. Столыпинѣ. Прибавимъ сюда то, что принялъ его преемникъ въ области управленія. Чрезвычайное обостреніе національной борьбы. Противъ нѣкоторыхъ народностей, въ особенности евреевъ, поляковъ, финляндцевъ и мусульманъ, велась непрерывная травля, развивавшая, конечно, у нихъ соотвѣтственныя чувства, что начинало становиться опаснымъ для государства. Въ провинціи администрація совершенно утратила представленіе о законности. Достаточно напомнить такія классическія имена, какъ Думбадзе, Толмачевъ, Хвостовъ, рязанскій кн. Оболенскій, тамбовскій Муратовъ, симферопольскій Массальскій и т. д. Но и менѣе громкія лица, напр., пермскій губернаторъ, дозволяли себѣ не исполнять не только указовъ Пр. Сената, но даже и Высочайше утвержденныхъ мнѣній Гос. Совѣта — и что еще страшнѣе — они дѣлали это по приказамъ изъ министерства вн. дѣлъ, какъ было въ нашумѣвшей исторіи съ надѣленіемъ землей рабочихъ Строгановскаго завода. Военно-полевые и военно-окружные суды развили въ странѣ

неслыханную эпидемію смертныхъ казней, жертвы которой считаются тысячами. Безпрерывныя смертныя казни не могли не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на народной психологіи. Цѣнность человѣческой жизни, никогда въ Россіи высоко не стоявшая, упала еще значительно ниже. Огрубѣніе нравовъ поощрялось и казнями и безнаказанностью погромщиковъ. Вѣра въ судъ сильно ослабѣла. Если въ столицахъ и въ двухъ-трехъ крупныхъ центрахъ печать еще пользовалась относительной свободой, хотя и тутъ платила должную дань штрафамъ и судебнымъ и административымъ карамъ, то въ провинціи печать оказалась отданной всецѣло безпредѣльному произволу администраціи и попала въ положеніе, которое заставляло ее мечтать какъ о благѣ, о цензурѣ временъ Плеве. Общественныя организаціи, просвѣтительныя общества, профессіональные союзы гибли одно за другимъ: изъ-за пустяковъ, однимъ росчеркомъ пера уничтожались самыя богатыя, многолюдныя организаціи, уничтожались въ одну минуту плоды десятилѣтнихъ трудовъ. Торжественно возвѣщенная свобода союзовъ существовала только для союза русскаго народа. Аресты, обыски, высылки были повседневнымъ явленіемъ. „Охрана" съ азефовщиной полновластно царила надъ страной, и П. А. Столыпинъ, когда ему указывали на происходящую оргію провокаціи, упорно отказывался вѣрить очевиднымъ фактамъ. Онъ добился суда и ссылки Лопухина за разоблаченіе Азефа, въ которомъ упрямо хотѣлъ видѣть, несмотря на ясные факты, не провокатора съ кровавыми руками

а только „полезнаго сотрудника“ департамента полиціи. Эта оргія провокаціи создала ту обстановку, жертвой которой палъ и самъ предсѣдатель совѣта министровъ.

Какъ человѣкъ безукоризненной личной честности, П. А. Столыпинъ глубоко презиралъ и ненавидѣлъ хищничество и готовъ былъ съ нимъ бороться. Онъ развилъ въ огромныхъ размѣрахъ систему сенаторскихъ ревизій, какъ средство борьбы съ хищеніями. Ревизіи сенаторовъ Гарина, Палена, Медема, Глицинскаго, Дедюлина, Нейдгардта обнаружили полный развалъ и въ интендантствѣ, и въ желѣзнодорожной области, и въ администраціи, и въ городскомъ хозяйствѣ. Не мало людей попало на скамьи подсудимыхъ. Но даже и тутъ нѣтъ основаній утверждать, что попали подъ судъ главнѣйшіе воры, что уличена значительная часть воровъ, что хищничество прекратилось... Нѣтъ, зло не исчезло, и сенаторскія ревизіи сдѣлали яснымъ для всѣхъ, что причины хищничества не въ порокахъ отдѣльныхъ лицъ, а въ самой системѣ. Добиться же ея реформированія П. А. Столыпинъ либо не хотѣлъ, либо былъ безсиленъ. Преемнику его приходится бороться съ тѣмъ же зломъ, что и ему. Сенаторскія ревизіи примелькались, стали явленіемъ обычнымъ, вошли во взятку соотвѣтствующимъ процентомъ увеличенія риска...

Составъ чиновничества, особенно на верхахъ въ провинціи, при П. А. Столыпинѣ не только не улучшился, но даже значительно ухудшился. Лично очень честный, П. А. Столыпинъ, однако, проявилъ

большую наклонность къ непотизму. Начиная отъ министерскихъ постовъ, онъ любилъ на всѣ крупныя должности назначать людей, ему близкихъ по родству или свойству. Протекціи при немъ были тоже въ очень большомъ ходу. Съ другой стороны, чины администраціи никогда не чувствовали себя прочно. Надъ ними всегда былъ занесенъ Дамокловъ мечъ отставки или неудобнаго перемѣщенія по какому-либо наговору или просто потому, что занимаемое ими мѣсто понадобилось кому-либо. Родственныя вліянія въ государственной жизни дошли до такого, едва ли въ какой-либо цивилизованной странѣ возможнаго факта, что въ высшемъ законодательномъ учрежденіи, въ Гос. Совѣтѣ, создалась политическая группа, которую открыто называли партіей шуровьевъ...

И въ заключеніе всего жестокій и позорный призракъ народнаго голода снова появился въ странѣ, и передъ самой своей кончиной П. А. Столыпинъ могъ убѣдиться въ ложности всѣхъ успокоительныхъ сообщеній. При „обновленномъ строѣ“ странѣ предстояло пережить тѣ же ужасы крестьянской голодовки, что и въ 1891 году.

ГЛАВА VIII.

Характеристика.

Надъ гробомъ П. А. Столыпина началась жестокая борьба чуть ли не раньше, чѣмъ отзвучали

послѣднія слова заупокойной молитвы. Самая страстность похвалъ и нападокъ свидѣтельствовала, что со сцены сошелъ человѣкъ незаурядный. Съ одной стороны, націоналисты и октябристы дѣлали тщетныя попытки изобразить покойнаго геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ, великимъ дѣятелемъ... Простой приведенный нами выше итогъ Столыпинской работы доказываетъ, что о геніальности и о великомъ государственномъ человѣкѣ тутъ говорить не приходится. Но возьмемъ отзывъ съ другой стороны. Одно изданіе писало: „Столыпинъ не представлялъ собой лицо, про которое можно было бы сказать: это – государственный дѣятель. Съ достаточно скромнымъ развитіемъ, не будучи выдающагося ума, не умѣя тонко разобраться въ идеяхъ и понять принципіальныя требованія, онъ смѣшивалъ все въ одну кучу, коверкая предметы вмѣсто ихъ обработки... Желая облегчить борьбу съ революціей усиленными полномочіями администраціи, онъ эти полномочія обратилъ въ источникъ усиленія революціи, развивъ ужасный произволъ. Желая прослыть законникомъ, онъ топталъ законы. Безграничнымъ произволомъ и постояннымъ насиліемъ Столыпинъ возбудилъ противъ себя всѣхъ и вся, начиная съ мужиковъ и кончая сановниками. Высокое самомнѣніе, которое всегда овладѣваетъ людьми, случайно выдвинувшимися къ власти, ослѣпляло Столыпина. Таковъ былъ этотъ заурядный человѣкъ на первѣйшемъ государственномъ посту, при огромныхъ полномочіяхъ, не сумѣвшій стать государственнымъ человѣкомъ“. Дальше П. А. Столыпинъ именуется „бездарнымъ сановникомъ“...

Изъ какого изданія взята эта характеристика? Изъ дубровинскаго черносотеннаго листка „Русское Знамя“ (№ 201, отъ 8 сентября 1911 г.). Но, конечно, вся она, отъ слова до слова, могла быть повторена и была повторена, только безъ литературныхъ наивностей, крайними лѣвыми изданіями. Уже одно это совпаденіе взглядовъ заставляетъ думать, что въ этой характеристикѣ покойнаго предсѣдателя совѣта министровъ при справедливости отдѣльныхъ указаній много невѣрнаго, ошибочнаго, продиктованнаго партійнымъ раздраженіемъ. „Бездарнымъ“ П. А. Столыпинъ во всякомъ случаѣ не былъ. Онъ несомнѣнно былъ даровитымъ человѣкомъ. Кому случалось слышать его въ Думѣ, тотъ не станетъ отрицать, что П. А. Столыпинъ обладалъ настоящимъ, отъ Бога даннымъ, ораторскимъ талантомъ, что его рѣчи производили впечатлѣніе, что въ нихъ было много силы, искренности, темперамента. Въ нихъ было и нѣчто отъ художественнаго дарованія: была образность, красивые обороты, мѣткія словечки, которыя вошли уже въ оборотъ нашей политической рѣчи, какъ крылатыя слова („Не запугаете“, „волевые импульсы“, „ставка на сильныхъ“ и т. д. и т. д.).

Общепризнано, что П. А. Столыпинъ обладалъ большой выдержкой, незауряднымъ мужествомъ и безусловнымъ личнымъ безкорыстіемъ. Правда, личное мужество не дополнялось у него мужествомъ политическимъ. Человѣкъ энергичный и очень честолюбивый, онъ любилъ власть, цѣплялся за нее, но тамъ, гдѣ ему приходилось сталкиваться съ на-

стоящей и для него опасной силой, онъ не столько боролся, сколько отступалъ и подлаживался. Ни одинъ безпристрастный человѣкъ не можетъ отрицать, что Столыпинъ въ первой и во второй Думахъ былъ совсѣмъ не тѣмъ, какимъ онъ явился въ третьей. Пока въ обществѣ сильны были либеральныя настроенія, онъ очень считался съ ними, мечталъ о кабинетѣ изъ общественныхъ дѣятелей, но онъ превратился въ заклятаго врага либерализма, какъ только реакція одолѣла и ему стало ясно, что лишь она можетъ обезпечить за нимъ портфель. Эта измѣнчивость заставляла говорить о лицемѣріи. Не только между словами и дѣлами П. А. Столыпина существовала пропасть, но и слова, которыя онъ говорилъ одному, не всегда сходились съ тѣми, которыя онъ въ то же время высказывалъ другимъ. Онъ былъ кромѣ того и мстителенъ. „Отпускъ" съ невольнымъ отъѣздомъ за-границу Дурново и Трепова за оппозицію въ Гос. Совѣтѣ заставилъ въ Г. Думѣ заговорить о временахъ бироновщины и временщиковъ. Даже Пуришкевичъ, служившій у П. А. Столыпина, но предвидѣвшій его паденіе, заговорилъ о „мелкой мести уѣзднаго администратора". В. А. Маклаковъ громилъ „двуликаго Януса, однимъ лицомъ говорящаго красивыя рѣчи и предлагающаго широкія реформы, а другимъ дѣлающаго скверныя дѣла, которымъ апплодируютъ справа". „Сочетаніемъ красивыхъ словъ и самой неприглядной дѣйствительности говорилъ блестящій московскій депутатъ— власть скомпрометтировала въ конецъ ту идею по-

литическаго центра, безъ которой не можетъ дѣйствовать представительный строй". П. Н. Милюковъ безъ обиняковъ указалъ на „систему, основанную на грандіозномъ лицемѣріи и обманѣ".

Вопреки тому, что говоритъ „Р. Знамя", у П. А. Столыпина былъ сильный умъ, но это былъ какой-то умъ второго сорта, дѣйствительно лишенный и углубленія и идеалистическаго благородства, умъ смѣшанный съ мелкой хитростью и лукавствомъ. „Кромѣ единства примитивныхъ импульсовъ, характеризовалъ политику П. А. Столыпина П. Н. Милюковъ —единства позы и фразы тутъ есть еще и единство плана, единство обдуманныхъ намѣреній, которыя проводятся неуклонно съ хитростью и лукавствомъ". „Вѣдь, и у „примитивовъ" есть все-таки извѣстная хитрость, достаточная для самосохраненія". Вотъ для этого-то политическаго „самосохраненія", для удержанія за собой портфеля П. А. Столыпинъ пожертвовалъ слишкомъ многимъ. Онъ могъ неуклонно преслѣдовать революціонеровъ и кадетовъ, но у него не хватало силы дать надлежащій отпоръ тѣмъ, кто требовалъ отъ него нарушенія Основныхъ Законовъ. Со ступеньки на ступеньку онъ дошелъ до того, что признавалъ ихъ планы „прекрасными теоретическими разсужденіями".

П. А. Столыпинъ не былъ „творцомъ" идей. Самую крупную свою идею, преобразованіе русскаго общинника въ личнаго собственника-хуторянина, заимствовалъ взялъ отчасти изъ своихъ семейныхъ преданій, отчасти отъ Витте и сельскохозяйствен-

ныхъ комитетовъ, совокупивъ ее съ требованіями и программой растерявшагося дворянства, начертанной В. І. Гурко. Но въ проведеніе этой идеи онъ вложилъ всю присущую ему выдержку, энергію и настойчивость. При выдающемся председателе совета министровъ П. А. Столыпинъ могъ бы быть хорошимъ министромъ внутреннихъ делъ, какъ онъ считался въ Россіи хорошимъ губернаторомъ.

Наиболее справедливую, на нашъ взглядъ, характеристику покойнаго премьера далъ вскоре же после его смерти П. Б. Струве, имевшій возможность близко наблюдать его во время второй Думы, въ самый решительный для П. А. Столыпина моментъ, когда его толкали на актъ 3 іюня.

„Органическими чертами своей натуры — пишетъ П. Б. Струве —ея корнями Столыпинъ всецело уходилъ въ старую дворянско-помещичью Россію, съ ея традиціями, съ ея строемъ чувствъ и мыслей. Въ немъ были выражены все сильныя и многія слабыя стороны этого историческаго пласта русской общественности. Событіями Столыпинъ былъ вынесенъ на самую вершину бурнаго гребня, которымъ о себе возвестила новая Россія. Старая и новая Россія, однако, не соединились въ немъ гармонически. Онъ не былъ изъ числа техъ могущественныхъ фигуръ, которыя примиряютъ историческія стихіи, становясь какъ бы надъ ними. Поэтому ему безконечно далеко, напримеръ, до Кавура и Бисмарка. Именно примиренія и успокоенія Столыпинъ не осуществилъ. Отчасти онъ не могъ этого

сдѣлать по условіямъ той политической обстановки, въ которую выдвинула его судьба и жертвой которой онъ былъ. Но и въ личныхъ свойствахъ его было не мало отрицательныхъ черть, дѣлавшихъ для него непосильной задачу оздоровленія государства средствами не только физическими, но и моральными. Это сказалось въ его, на мой взглядъ, чисто-патологическомъ равнодушіи или, если угодно, пристрастіи къ смертной казни. Тутъ было не только теоретическое убѣжденіе и боевой азартъ тутъ было что-то органически нездоровое загадочно-болѣзненное и, въ сущности, весьма далекое отъ настоящей реальной политики. Умалялась личность Столыпина и тѣмъ отсутствіемъ прямоты и скажемъ прямо—логики, которымъ было отмѣчено его отношеніе къ дѣйствительно сильнымъ и опаснымъ противникамъ его историческаго дѣла. Неудивительно, что столь многіе обвиняли его въ неискренности, даже византійствѣ.. Таковъ увы! двойственный обликъ Столыпина. Нельзя отрицать въ немъ большой, совершенно незаурядной силы духа и достойной удивленія крѣпости и упругости воли. Но эта сила духа соединялась съ какой-то поразительной, тоже чисто духовной слабостью и съ какимъ-то гипнотическимъ состояніемъ воли, прямо противоположнымъ крѣпкой ея свободѣ“. („Русск. Мысль“ № 10).

Для того, кто сознательно переживалъ послѣдніе годы, жизнь и смерть П. А. Столыпина, наложившаго на нихъ свою печать, есть не прошлое, а

самое жгучее настоящее. Чуть-ли не въ каждой семьѣ имѣются близкіе люди, которыхъ такъ или иначе задѣло маховое колесо русской исторіи последнихъ лѣтъ, кровавыхъ, безпощадныхъ и страшныхъ.

Трудно ждать теперь съ какой бы то ни было стороны безпристрастнаго слова надъ свѣжей могилой того, кто, въ представленіи многихъ, былъ рулевымъ, вращавшимъ колесо. Для нашихъ потомковъ, способныхъ на эти годы смотрѣть съ исторической точки зрѣнія, пролитая теперь кровь окажется не столь липкой, она не затуманитъ имъ глазъ и не помрачитъ сердца. Они найдутъ силы обратить вниманіе и на многое другое. Они отмѣтятъ всѣ ошибки и преступленія, но найдутъ и любовь къ родинѣ и безкорыстное желаніе служить ей до самопожертвованія, до принесенія въ жертву своей собственной жизни.

П. А. Столыпинъ былъ первымъ нашимъ политическимъ дѣятелемъ, выступавшимъ въ рамкахъ „обновленнаго строя" при народномъ представительствѣ (Горемыкинъ въ счетъ, конечно, не идетъ). Онъ не сдѣлалъ того, чего отъ него ждала страна. Онъ совершилъ много ошибокъ, за которыя странѣ придется еще расплачиваться. Но на его ошибкахъ будутъ учиться новые дѣятели и, кромѣ ошибокъ, отыщутъ въ наслѣдствѣ П. А. Столыпина кое-что такое, что заслуживаетъ сочувствія и признанія.

Г. Жулавскій. Собр. соч. Т. 2. (Печатается).

Бекфордъ.—„Ватекъ“. Арабская сказка. Пер. Бор. Зайцева. Вступительная статья „Бекфордъ, авторъ Ватека“ П. П. Муратова. Цѣна 80 к.

Кристоферъ Марло. Трагическая исторія доктора Фауста. Драма. Переводъ К. Бальмонта. (Печатается).

Н. П. Дружининъ. „Право и личность крестьянина“. XXX+296. Цѣна 1 р. 20 к.

Печатаются и готовятся къ печати слѣдующіе выпуски біографической библіотеки.

К. С. Станиславскій.—Очеркъ жизни и дѣятельности, сост. Л. Гуревичъ.

В. Г. Короленко. Біограф. очеркъ. нап. Н. Шаховской.

К. П. Побѣдоносцевъ. Очеркъ жизни и дѣятельности, нап. Е. В. Аничковымъ.

Леонидъ Андреевъ. Жизнь и творчество, сост В. В. Брусянинымъ.

Федоръ Сологубъ.—Очеркъ жизни и творчества сост. Е. В. Аничковымъ.